

ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 99

Мясников Н. Страна Медяния. – Киров: ОАО «Первая
Образцовая типография», филиал «Дом печати – ВЯТКА»,
2012. – 128 с.

ISBN 978-5-85271-435-0

ISBN 978-5-85271-435-0

© Мясников Николай Петрович, 2012

КТО ЕСТЬ КТО?

Кто ты есть и откуда, кто такой вообще? Надо сразу обозначить. Потому как, представляя на суд читателя своё произведение, автор обязан и о себе слово молвить. Так вот, родился я 2 декабря 1933 года в деревне Малые Мясниковы Медянского (ныне Юрьянского) района Нижегородского края (теперь Кировская область). Отец – Мясников Пётр Екимович, мать – Домрачева Главлidia Зовна. О них рассказку подробнее потом. А также о моих родных и близких, соседях и товарищах. Но сначала о малой родине.

Село Медяны

В «Энциклопедии земли Вятской» сказано, что село Медяна основано в 1615 году. Наименование его по первой версии произошло из-за того, что будто много тут водилось ящериц, называемых в народе медянками, а по второй — от слова медь, которая якобы залегала в окрестностях села.

Ящерицы в Медянах водятся до сих пор, особенно на тех усадьбах, что расположены ближе к лесу, но чем они похожи на «медянок» — трудно сказать.

В 1629 году в селе было 22 двора. А деревни вокруг него появились ещё раньше: Бакичи, Мухичи, Койковы, Калининчи...

Землю под пахоту предки наши отвоевывали у леса. Борозды мужики в портяных одежах и лаптях вымеривали лесную делянку под поле, чтобы потом каждому по хорошей полесе досталось. Лес вырубали, брёвна волочили в бурты и увозили на лопалках к деревне, где строились дома. Сучья и вершины сжигали на месте. На делянке оставались пни, они мешали разработке земли. Для корчевания пней уже тогда научились делать приспособления. Они дошли до наших дней с далёких времён. Мне пришлось увидеть подобную «технику» в конце сороковых годов прошлого века, когда ходил в Мурыгино в пикоду. Между посёлком и Рычками простирался заболоченный лесок, через который гоняли стадо на луга. Иногда коровы забредали в сторону от тропы — там росла пышная езелень. И вязли в болотине. Пастух бежал за народом, чтобы спасти бурёнку. Собирались мужики и вытаскивали очередную «жертву». А пастуха крепко ругали за недосмотр.

Эти приключения народу надоели. Всем миром решили лесок убрать, участок осушить. Деревья спилили и увезли, а пни выкорчевали странным то ли подвёмником, то ли рычагом. Из

лёгких брёвен сколочена треугольная конструкция, в центре её на поперечной стальной или железной оси крепится толстая, прочная жердь. Подвёмник подтаскивали к пню, забивали под него жердь коротким от оси концом, за длинный бралась двое-трое мужиков. Их усилий хватало, чтобы выдрать пень из земли вместе с корнями (мелкие корни предварительно обрубили топором). Пни сохли в кучах всё лето, потом их отружали на фабричную кочеварку. Через заболоченный участок прокопали канаву, и он вскоре просох, стал частью пастбища. Сегодня, при наличии мощной техники, методика корчевания пней и осушения болот, конечно, совсем другая. А тогда...

А тогда, в конце XVII века, около села Медяны появилась наша деревенька. Легенда о её возникновении передавалась из поколения в поколение. Будто за мирские треки из ближней церкви отрубили от службы попа. Он и стал первым поселенцем. Иабу себе соорудил. И занятие нашёл подходящее — скот у крестьян закупать да мясом торговать. Одним словом — мясник. Видимо, и название деревни отсюда пошло. И фамилию мирскую расстрига взял по роду своего занятия. Может, так всё и было.

Избёнки себе поселенцы строили собоша. Сначала готовили срубы. Доски пилили вручную особыми пилами. Брёвна клали на высокий настил. Пильщиков было двое: один вверху на настиле, другой внизу. Так и двигались вдоль бревна. Толщину доски специальными клиньями регулировали.

Сколько же нужно потеть около этих досок. А на дом в лесу заранее подбирали и метили крепкие, здоровые деревья. Брёвна заготавливали в определённое время года. Срубы месяцами выстайвались в сухом месте. Под углы ставили просмолевшие пни, чтобы дольше не стниги. При хорошей крыше, если её вовремя ремонтировали либо меняли, дом под ней мог простоять до сотни лет.

Что интересно: деревенские избы в те времена подходили на бани по-чёрному, которые на селе ещё кое-где остались и сегодня. Печки в них стояли, а дымоходов и труб не имелось. Во время топки открывали дверь, и дым выходил на улицу. Нелзя сейчас точно сказать, почему так делалось. Или тепло и дрова экономили, или из-за налога на трубы. Можно предположить, сколько сажки и коפות скапливалось в избе за зиму. А небольшие окна тогда не умели стеклить. На рамы натягивали выделанные бычьи пузыри.

Что можно увидеть при таком окне? Вот и жили постоянно лучину на подставке.

И не очень уж далёкое это прошлое, если мой дед Еким рассказывал, что родился в такой дымной избе. Потом, когда вырос и возмужал, то хороший дом себе построил, светлый.

Но вернёмся к земледельческим делам наших прадедов. Великими трудами осваивали они сельхозугодья. Освобождённую от леса землю поднимали на лошадейках сохами, выборанивали корни, разбивали комья, и вчерашние заросли становились пашней-кормилицей. Подчёркиваю это особо, чтобы чиновники-дармоеды да молодые бездельники (все они хлеб потребляют) знали, какой ценой земляца народу доставалась и как он её всегда берёт, старательно обрабатывал. А сегодня у нас, при дерьмокрапии, эту самую пашню, веками оберегавшуюся, крестьянским потом и кровью политую, с лёгкостью необъятной на миллионах гектаров превращают в перелески и заросли. В нашей области только по официальной статистике числилось более 500 тысяч га запущенных пахотных угодий. А теперь, наверно, намного больше. Во всяком случае, поминуют миллион гектаров. Те поля, где не пахнут и не сеют, а только иногда там траву косят, называют теперь по-новомодному: законсервированная пашня. Когда же прекратится издевательство над русской деревней и над русским полем?

В Медянской волости земли считались бедными гумусом, подзолистыми. Об известковании их в те времена просто не знали. Да и пашенки той в пересчёте «на душу» маловато приходилось, хлебушка едокам не хватало. Извечный русский вопрос: что делать? Мужик хоть и неграмотен, но смекалист. Нашли заработки на стороне, благо про помещиков в наших краях не знали. Потому как на бедноту никто не зарился. Крестьяне прозывались государственными. А это предполагало определённую самостоятельность. По возможности они лесом промышляли. А больше жили своим мастерством. Кирпич обжигали, сапоги тачали. Бочки, кадки, бураки делали, косы ковали, лыко драли и лапти плели. В каждой деревне исконно свой промысел. Из поколения в поколение передавались, например, секреты гончарного искусства. Любо-дорого смотреть на старинные пугачьи горшки и маленькие раскрашенные горшочки, местительные корчаги, крынки, да и жбаны. Чего только не вывозили мастера

на ярмарки. Многие летом у себя на поле горбатились, зимой же «зимоторили», отпавляясь на отходный промысел, если не владели «домашним производством». Такая вот история.

Каменная церковь в селе Медяны построена в 1770 году. Чтобы кладка крепче схватилась, в известь добавляли сырые яйца. Их по всей округе собирали на стройку. Сегодня церковь стоит полуразрушенной. Службу в храме закрыли, кажется, в начале войны или перед войной. В нём разместили мастерские вновь созданной Кирово-Заречной МТС. После ликвидации МТС в конце пятидесятых годов оборудование передали местному колхозу, позднее преобразованному в совхоз.

Село стало центром совхоза «Медянский», который начал уверенно развиваться и крепнуть. Здесь освоили севообороты, в разы увеличили внесение в почву органики и минеральных удобрений. Да и обработка полей велась по науке. И земля откликнулась на дёжвыми урожаями зерна, картофеля, кормовых культур. Массу сена собирали с лучших заливных лугов в пойме Вятки. Пошло в гору животноводство. На фермах содержали более полтысячи высокоудойных коров. Доходы поднялись, и оплата труда крестьян повысилась. Совхоз стал примером для других. Построили хорошие животноводческие помещения, в центре совхоза — село Медяны — появились многоквартирные дома с городскими удобствами, новые здания Дома культуры, детского садика и другие.

Да вот на горе народу грянула перестройка с «демократией». И не стало крепкого совхоза, как сотен других хозяйств. Всё пустило по ветру новая власть. Технику распродали, скот пошёл на убой, поля запустели — теперь там осинки да берёзки шумят на ветру вместо хлебных колосьев. А глава района называет это варварство естественным лесовосстановлением. Даже фермы разобрали и расптачили по кирпичику. Лишь на половине бывшего совхоза энергичному и умелому руководителю из местных жителей удалось создать и укрепить «Товарищество на вере», которое обрабатывает землю, добывает корма, развивает молочное стадо. Здесь достигнута высокая продуктивность коров. Но из-за диспаритета цен товарищество постоянно испытывает финансовые затруднения.

Ныне в Медянах проживает 580 больших и маленьких, молодых и старых граждан. Есть администрация поселения (слово-то какое московские русофобы придумали!), средняя школа — те-

Церковь села Медяны (сегодня)

перы уже непопная, Дом культуры, медпункт, почта, магазин. Всё ещё осталось от Советской власти. Новая-то, как и повсеместно, даже сараи не построила. Только все сферы оптимизирует (читай — микрывает социальные учреждения на селе). До Кирова отсюда 35 километров по асфальту, ближе, чем до райцентра — посёлка Юрья. Три раза в день природный автобус приходит в Медяны. Сего наше хоть и не знатное, но приятное. Есть пруд, правда, это в последнее время травой загнило, никто не чистит. Крутом перелески. Как бывало пела одна хорошая деревенская знакома, Нина Николаевна Коробова, дальняя родня, теперь уж сильно по-старевшая:

*Вся Медяна на угоре —
Колокольня белая.
Вся медянская молодежь
Весёлая и смелая.*

В прежние времена, уже после войны, когда народ ещё не разбежался, жизнь стала налаживаться, интересно проходили у нас праздники. Вот, например, на Троицу, когда в полях всё посеяно и ярко зеленеют всходы, в деревне отдыхали и веселились. Ведь наступил небольшой перерыв перед сенокосом и уборкой. В Троицкие праздники песни пели, под гармонь плясали. А ребята и подростки в разных играх соперничали. Особенно увлекали розыгрыши яиц. На ровной улице каждый участник в ряд ставил «на кон» варёное яйцо. (Их красили в различные цвета). Отмеряли по уговору расстояние, с которого по очереди катили мяч, плотно спитый из тряпок. Угадаешь мячом в яйцо — оно твоё. Бывало, что выигрешь попадал «липовый» — яйцо снаружи красивое, а внутри тухлое. Некоторые хитрецы подговывали на игру порченые яйца. Их за это выгоняли из игры. Так, соседка Васю Петрунина даже однажды отгуглила.

Нина Николаевна Коробова,
старожилка нашей деревни

А вот на Пасху у нас обычно в больших оградах привязывали на переволы (перекладыны) качели: на верёвках доска, где двое либо сидят, либо стоят и во всю мочь раскачиваются. Чаше парень с девчонкой, а та визжит, высоко взлетал, и крепко за верёвки держится. Парень же скорости прибавляет.

В осенний праздник «Октябрьской» — Митревской» ярмарки в Медянах шумело многоголосье. Кто-то уже на снях, иные ещё на телегах вывозили сюда на продажу свои изделия. Это гончары, бондари, саночники, шорники, кузнецы, пимокаты и другие мастера. В общем, чего только там не было — от горшков, кадок, санок до капутных пирамид и ожерелий из сушёных грибов. Веселье и смех царили не только на площади, но и в дворах и столовке. Без покупок с ярмарки крестьяне не возвращались, к ней готовились, её ждали. А молодёжь устраивала пляски под гармонь. И драки случались, но только кулаками. Синяки после этого были равноценны медалям, особенно у «победителей».

Родная деревня

Об истории села Медяны вкратце упомянуто. А наша деревенька к селу прилепилась своими домами. Их насчитывалось около двух десятков. Не больше и сейчас. Называлась деревня, как говорилось выше, Малые Мясниковы. В округе были ещё Большие Мясниковы (километра за четыре от нас) и просто Мясниковы — те дальше, где-то за селом Загарьем. Теперь наша деревня стала улицей Мясниковской села Медяны. В прежние времена у наших жителей было две фамилии: большинство Мясниковых да ещё несколько семей Домрачевых. Теперь же старожилы почти не осталось. Все приезжие.

Хорошо запомнил из детства такой эпизод. В один из летних дней отец приехал из Кирова на легкой машине. После радостной встречи он решил погулять со мной по деревне. Деревенская улица, если смотреть на север, уходила в село, если на юг — кончалась болотинкой, куда не ездили. По краю можно с осторожностью пройти пешком. За ней — дут, где всё утопало в ослепительно жёлтых цветах — лютики, колокольчики, сурепка и ещё бог знает какие, но только все ярко жёлтые. Море цветов, в воздухе аромат,

В центре села Медяны (современный снимок)

Мой отец —
Мясников Пётр Екимович

ярко светит солнце. Красота, тишина и покой. В крайнем доме у Николая Дмитриевича и Ефросиньи Дмитриевны была пачка — тут для пчёл настоящее раздолье. Прилежным насекомым, добывающим нектар, наше присутствие почему-то не нравилось. В итоге у отца запылились глаза, а объектом нападения на меня оказались голые ноги, торчавшие из коротких штанишек. Их в процессе дикого рева от боли я, конечно, обмочил. И меня принесли домой полуживым. После этого надолго отпала охота появляться на лугу.

Теперь стало модным восстанавливать свои родословные. Искал полумрак, ещё школьником я нашёл большую шёлковую одежду, сделанную добротно из свиной шёлка. Ею долго пользовались. Уезжая из дома, я взял её с собой на память. Но поскольку в силу обстоятельств и профессии приходилось неоднократно переезжать из района в район, памятную шёлковую загерял, о чём очень сожалел как о дорогом сердцу предмете. На крышке шёлка была приклеена деревянная пластинка и на ней вырезано: Алексей (сын Иванов). Орудие чистки принадлежало отцу моего деда. О прадеде только знал, что занимался извозом, рано и неожиданно умер. Изучал на деревенской свадьбе, и ему в питьё подсыпали какое-то зелье. То ли из зависти, то ли ещё по какой причине — никто в те времена не выяснял. Помучился животом, и богу душу отдал. Раньше лекарь был один на целую округу, да что он мог?

Мой дед Мясников по-деревенски Еким (по-писаному Аким) Алексеевич был, как иногда выражаются, неординарным человеком. Передо мной его «Паспортная книжка», где сказано: время рождения — 1881 год, православный, земледелец, состоит в браке. Если владелец документа оказывался неграмотным (а таких на Руси хватало), то указывались его приметы: рост, цвет волос и т.д.

Улица Мясниковская села Медяны (ранее деревня Малые Мясниковы, современный снимок)

А далее, после «Извлечения из положений о видах на жительство», в царском паспорте отводилось 20 страниц для отметок об уплате сборов по полугодиям (т.е. на 10 лет) – государственных, земских, общественных. Довольно странный документ! И только две строки «для прописки видов полицией».

Я жил с дедом Екимом до самой его смерти в 1951 году. Он умер в возрасте 70 лет. Много слышал рассказов о нём от деревенских, хотя сам о себе говорить он не любил.

Выше упомянуто, что его отец рано скончался, когда деду едва исполнилось лет двенадцать. И в семье он – единственный «мужик». Кроме матери, две сестры: Анастасия и Мария. Понятно, что в крестьянском хозяйстве, где, кроме телеги, саней, сохи с бороной да веялки, другой «техники» не существовало, вся тяжесть труда легла на неокрепшие плечи подростка. Непосильная работа на земле, в лесу, на сенокосе не согнула Екима. Наоборот, он с годами окреп, возмужал и стал обладать огромной физической силой. Об этом ходило немало историй. И кроме земледелия, для одного промысла выбрал себе профессию плотника. В округе не было ни одной деревни, где бы дед Еким не построил с товарищами домов с сенями, амбарами, хлевами и т.д.

Чтобы платить подати (так при царе назывались налоги), надо зарабатывать деньги. Налог земли на две с половиной души давал хлеба только себе на пропитание. И то не хватало. Коровы и лошади разве что семью обеспечивали. Поэтому в зимние месяцы дед уходил в Никольский затон на Вятке, где зимовали принадлежавшие купцам пароходы, баржи, и занимался там на ремонтные работы. На них брали только плотников – столяров высокого класса. Трудились они под открытым небом – мёрзнуть было некогда. Учёт и контроль всё подрядчик. Он не имел смет и проектов, не выписывал нарядов (просто всё записи на память), но постоянно находился среди работников и с удивительной точностью оценивал, кто и сколько сделал за неделю. Каждую субботу выдавали расчёт. И дед за усердие и мастерство получал не менее трёх рублей – в то время большие деньги. Немудрора коровёнка стоила тогда два рубля с полтиной.

После трудовой недели мастерам шли в трактир, заказывали по штофу водки, обед, покупали домой гостинцев – леденцов, сушек. И после застолья отправлялись пешком по своим деревням –

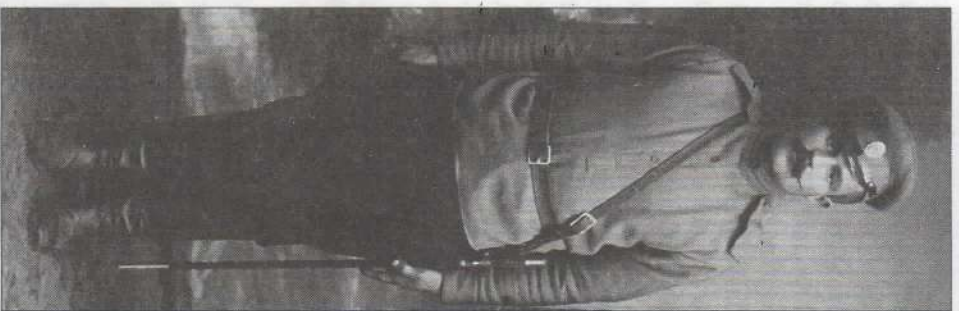
до понедельника. От Медян до Затона примерно вёрст 12. И так всю зиму. Некоторые не выдерживали на морозе, а деду нравилось – Подвыпившие мужики начинали, бывало, силой меряться – тингулись на пальцах, руки прижимали к столу, боролись. Но с дедом никто не связывался после того, как он одного буйана взял за плечико, поднял выше, перевернул и в сугроб головной воткнул.

Была в молодости у деду Екима ещё одна привычка, которую соседки и знакомые знали. Хотя и редко, но случалось ему за компанию выпить горькую. Обычно не пьянел. Но как только дохотело веселье до какой-то грани, он вставал и отправлялся домой. Но странно как-то передвигался – колесом катился из села. То есть прямые руки и ноги, поставленные крестообразно, выполняли роль ступиц воображаемого колеса. И настолько сильны и упруги были конечности, а тело управляемым, что «колесо», меняя точку опоры, легко передвигалось по деревенской улице. Бывшие очевидцы об этом не раз рассказывали, хотя просто поверить трудно, что так может быть. В то время, когда я жил с дедом, ему уже перевалило за шестьдесят и он «колесом» не ходил. В деревнях рано стареют. От многолетнего непосильного труда организм быстро изнашивается.

Так вот жил мой дед Еким. Говорили, будто он женился не по своей воле, а как ему мать приказала – на соседке Ефросинье Ивановне из «справной» семьи. При этом она слыла добрейшим человеком, тихим, незаметным, труженицей немомоверной. Позднее о ней ещё расскажу. А пока упомяну лишь такую деталь: дед как-то обмолвился, что его мать подкрепила свои доводы о женитбё именно на соседке чулунком, который разбила о сыновью голову. Возразить дед не посмел, не принято родителям перечить. Потом он и не сожалел, что так в жизни вышло.

На срочную военную службу деду не забрали, так как он в семье являлся единственным кормильцем (на его попечении находилась жена, сын малолетний, сестра нетрудоспособная, престарелая мать). А когда грянула империалистическая (Первая мировая) война, тут все лыготы отменили. И призывали плотника-пахаря на военную службу. Определили солдата в артиллерию. После учёбы он стал бомбардиром-наводчиком. У меня и сейчас хранится фотография бравого вояки в светлом мундире, чёрных шароварах, при поясном ремне с пряжкой и шапке в ножнах. Фуражка по-могилецки чуть сдвинута набок.

Дед не рассказывал о своей службе, о войне. Только презрительно отзывался о немцах, которые трусливее русских солдат и которых в ближнем бою они рубили шашками, как капусту.

*Бравый воин Еким
(фото 1916 года)*

Из войны рядовой 100-го артиллерийского дивизиона Мисников Аким Алексеевич (так записано в Билете эвакуогоспиталю) вышел инвалидом. Во-первых, при одном из передвижений батареи под беглым огнём немцев погибли лошади (пушки тогда перемещались на конной тяге), и солдатам самим пришлось перетаскивать орудия на другую позицию. На пути попался враг. Стали на тросах спускаться туда пушку. Неудаче разорвался снаряд. Солдаты бросили растяжки и кинулись кто куда. Дед не успел отпустить груз, и ему тросом под силой огромной тяжести вырвало все живое с ладоней. Что-то хирург зашил, что-то подремонттировал. Но по три пальца на обеих руках, кроме указательного и большого, остались неподвижно согнутыми. Позднее в мирной жизни топор и другие орудия труда дед приспособился держать двумя пальцами. От постоянных усилий они стали у него как железные.

Но самое главное увечье на войне он получил при газовой атаке немцев. Противогазов у солдат не имелось. Они спасались, кто как мог, дышали через мокрую рубаху и т.д. Дед выжил, но удушье, постоянный кашель, хронический бронхит остались на всю жизнь. Да и умер-то он от воспаления лёгких — они с той войны стали у него слабым местом в некогда могучем организме.

Военная служба закончилась у дёда в Московском эвакуогоспитале, о чём свидетельствует запись от 25 августа 1917 года: «Выбыл на строй по болезни». А затем увольнение в отпуск на два месяца — с 4 сентября. После известных революционных событий в России попрос о возвращении в парскую армию отпал сам по себе. Дед Аким отлежался, окреп, а потом вернулся к работе в единоличном крестьянском хозяйстве.

Позднее в наших местах стали создаваться ТОЗы — товарищества по совместной обработке земли. Дёда в ТОЗе пошли неплохо, да и молодое Советское государство оказывало крестьянам помощь.

С ТОЗОм связана одна история, которую старики в деревне вспоминали. Крестьяне Медянской волости издавна имели хорошие сенокосные угодья в пойме реки Вятки около старицы и озера Духовое. Они очищали луга от кустарника, кочек, боронили их после весенних разливов. Там вырастал пырей чуть ли не в человеческий рост. Выезжали в луга недели на три, жили в палатках. И всем миром заготавливали отличное сено. Это была не только напряжённая работа, скорее артельный труд и весёлая страдная пора.

Неизвестно, как и почему, но губернские земельные власти решили передать эти луга природным вятским обществам. Тем самым обрекали на бескорытный скот у медянских крестьян. В Вятке правды мужики не нашли. Тогда на волостном сходе выбрали делегацию ходяков в Москву из трёх человек, чтобы отстояли свои луга, а если надо, то дошли бы до самого верха власти. Подобрались в ходяки мужики бывалые. Узнав об этом, губернские начальники пригрозили делегатам: не смей ездить в Москву. На железнодорожной станции в Вятке поставили охрану, чтобы не пропустить мужицкую делегацию на поезд. Но мужики ушли пешком в Котельнич, а оттуда махнули в столицу. Добрались до Совнаркома. Оттуда их направили к Всесоюзному старосте М.И. Калинину. Очень уж он им понравился — рыжеватый, бородастый мужичок, похож на своего, деревенского.

Михаил Иванович принял посланцев вятских крестьян радушно, пригласил сесть на диван. Они не знали, что диван такой мягкий, и сильно испугались, когда с размаху провалились вниз. Калинин долго смеялся над их страхами, утешил ходяков чаем,

90308

Муравинская
Библиотечка-филiaal

17

внимательно выслушал их просьбу о возврате сенокосов, принял бумагу и пообещал разобратся.

Действительно, вскоре после возвращения делегатов домой в Вятскую губернию из Москвы поступила бумага, в которой предписывалось, что нельзя передавать ранее закрепленные, исконно используемые крестьянами Медянской волости дуга другим владельцам.

Народ благодарил ходяков за смелость. А те, кто хотел захватить чужие дуга, ренили отомстить. Трое парней подкараулили Екима на пустынной дороге, когда он шёл из города в Медяны, с намерением избить. Но сами оказались изрядно помятыми. Только домой дед явился в тужурке без рукавов. При стычке двое нападавших схватили его за руки, но Еким их так швырнул, что они отлетели в канаву вместе с оторванными рукавами. Третий бросился наутек.

Позднее ТОЗы преобразовались в колхозы. Дед стал председателем колхоза «Пахарь». Потом передал эту должность другому. А во время войны, когда мужики ушли на фронт, он снова взялся на себя нелёгкую ношу.

Колхозы сперва создавались небольшими. В наш входили всего три близости расположенные деревни: Малые Мясниковы, Сидоровщина, Падеры (окраина села Медяны). Уже во время войны присоединились Ольковы, Ложкины, Коробы, Большие Мясниковы. И с годами дальше всё шли укрупнения, но вряд ли на пользу делу.

До войны в колхозе жили справно. Работали охотно, даже обижались на бригадира, если кого-то вдруг не назначит на работу. На сенокос ходили с песнями.

У нас за огородами стоял большой конный двор со вазозом, по которому с одной стороны заезжали с кормами на сеновал, а спускались сверху с другой. Под сеновалом — конюшня. В стойлах — лошадки, в отдельных загородах — жеребёта. В конюховке на вешалах сбруя — именная для каждой лошади.

Рядом с конюшней под навесом телеги, сани, кошёвка, тарантас и другой инвентарь — от запасных переделок до колёс.

Это сегодня мы живём в дикое «цивилизированное» время, когда в городе на первых этажах домов везде поставили решётки. В квартирах — двойные входные двери, причём наружные — сталь-

ные, или, у кого денег нет, просто металлические. Несколько внушительных замков хитроумных. Однако число квартирных краж не уменьшается. На всякие хитрые засовы находятя не менее умелые их отпиратели. Тогда же в деревнях замков на дверях не вешали — их практически не было. В колхозе, конечно, запирали склади. Дома у каждого хозяйина, наверное, имелась клеть с каким-то оригинальным запором. А отпяду или входную дверь, уходя, припирали метлой, лопатой, либо в пробой или скобу вставляли палку. И никакого воровства не знали, хотя редкие случаи всё же бывали. Это уже считалось происшествием.

Вот о таком ЧП и хочу рассказать. Наверное, году в сорок первом решили в колхозе купить хороший тарантас. Заказали где-то у Зудов или на Никольщине. Деньги за него отдали. Лошадь со сбруёй и возчиком туда послали, чтобы приехал на тарантасе домой. Мужики, довольные приобретением, осмотрели его и решили использовать новую «телегу» по особой надобности, а не каждый день. Тарантас, чтоб дольше служил, промазали товарным дёгтем, и забросали досками и успокоились. Прошло некоторое время, и друг Петруня Сизик спросил у председателя разрешения свозить жену с малым ребёнком в Мурытино на новом тарантасе. Получил добро, пошёл на конный двор запрягать. Но сколько ни ходил под навесом, вокруг него и всего конного двора, а тарантаса нигде не оказалось. Огорчённый, вернулся к председателю: не нашёл, мол, новую «телегу», съезжу на старых дрожках. Дед заволновался, поспешил на конный двор — тарантаса действительно нет. Утром на разрядке опросили всех — никто ничего не знал. Тарантас бесследно исчез. Как будто дуконшко какое унесли. И следов свежих лошадиных около навеса не видно. По воздуху, что ли, он улетел?

Пришлось заявить в милицию. Сообщение там приняли, стали искать — безрезультатно. Под горой, между Падерами и селом, раскинулся небольшой, но довольно глубокий пруд. Видимо, его питали подземные ключи, потому как вода в нём пропрева-лась только к июлю. Тогда нам наступало раздолье — можно вволю бултыхаться. Плавали ребята постарше нас лет на шесть. Он спокойно переплывал на другую сторону, в кусты. Там привязан к колу плот, с которого прыгали в воду. Вася нырнул и увидел на дне тарантас, без переделка. Сообшил мужикам, они вытаспили находку, а передок

оказался в кустах. Почему и как транспорт перекочевал от конного двора в пруд – никто вначале не понимал. Потом милиционер объявил, что его украл и таким способом спрятал, чтобы, когда Шу-миха уляжется, незаметно съехать «телегу». Подозрения у мужиков появились, но доказать нечем.

Жили в колхозе два «друта» – Вася Булыга и Панфил. Про последнего мало что известно. Только вспоминали о нём как о большом и сильном человеке. Работал здорово, но и выпивал тоже. А Вася Булыга прибирал к рукам всё, что плохо лежит. У себя в деревне, правда, этим не занимался, но по округе шёл. Бывало и били его мужики, когда попадался на факте. И в тюрьме он побывал, хоть и ненадолго.

Видимо, дружки по пьянке решили упереть колхозный тарангас. А чтобы не узнал никто, временно в пруд сбросили. Потом Булыга признался: он передок катил, а силач Панфил на спине тарангас ташил. В общем, заперемели герои «под панфары». Судили их. Васю Булыгу отправили в тюрьму, он попадался на краже не впервые. А Панфил получил условное наказание. Потом они сразу на фронт попросились – вину искупить. Панфил в первые месяцы погиб, а Булыга с войны как медный пятак явился...

Но ещё до войны у нас был один эпизод с Васей Булыгой. Деда Екима в округе знали и уважали, а некоторые даже побаивались. Он зря не пустословил, но если скажет, то слегаёт. Никогда не хвалился своей силой, в скандалах не участвовал.

Однажды в воскресный день все отдыхали. Сев уже закончился, сенокос не наступил. Дед сидел дома у стола и курил. Дёла ушла в перекость, а бабушка управлялась со скотиной во дворе. Неожиданно к нам явился Вася Булыга. Он казался выпившим и начал приставать к деду:

– Ты пошто меня, Еким, в тюрьму садил. Я с тобой, пра, почитаюсь.

Дед невозмутимо курил и молчал. Булыга достал из кармана нож и крутил его, потом замахнулся на деда. Не успел я испугаться, как нож вылетел из рук хулигана. И от сильного, короткого удара по скуле Булыга шлёпнулся на крашеную лавку, прокатился по ней до конца и свалился в таз с помоями, который стоял на полу под умывальником. И сидел там, очухиваясь. Дед поднял нож, сломал его через кромку стола и выбросил в окно.

Булыга с трудом поднялся и в мокрых штанах побрёл домой. Исслед ему Еким бросил:

– Больше сюда не смей ходить.

Тут я отчаянно заревел. Бабушка схватила меня и прижалась к печке.

– Не бойтесь, – спокойно заметил дед.

Забегая вперёд, вспомню ещё одну историю конца сороковых годов, когда мы с дедом жили вдвоём. Как раз отмечали Троицу, и деревнях шли гулянья. И поздно вечером подвыпившие парни от Ложкиных, Коробов, Больших Мясниковых возвращались из Меляны домой по нашей деревне, торгалили песни, громко смеялись. Среди них выделялся Миша-тракторист из соседней деревни. Парень не только сильный, но какой-то злой и нахальный. Любил обижать тех, кто слабее его, даже девчат. Когда он пахал на тракторе наши поля,

то пащны получалась какал-то неровная, на заворотах пропущки. Дед не раз делал ему замечания.

Подвыпившая компания остановилась у нашего дома. Миша что-то сказал – все заготовали. Около забора лежали колёса от тарантаса, дед их ремонтировал. Миша взял колесо и с силой запустил в наше крыльцо. Колесо ударило в дверь, чуть не выбив её. Опять общий смех.

Дед, увидев это, вышел на улицу и обратился к парням:

Довоенная счастливая ещё жизнь. Все вместе – дедко, бабушка, отец и я в бесхозырке (1939 год)

«Идите, гуляйте. Зачем озорничать?» Затем повернулся и ушёл домой.

Но Миша решил показать свою храбрость и запустил в крыльцо второе колесо. Тогда дед вернулся и направился к компании хулиганов. При виде знаменитого Екима парни притихли. Только Миша снова схватил колесо. В следующее мгновение этот здоровый парень уже летел через забор вверх тормашками. И приземлился на деревянной улице. Оглежавшись, заковылял за своей притихшей компанией. Дед, тяжело дыша, сел на крыльцо, закурил и сказал: «Неохота под старость по судам ходить, а надо бы задавить его».

В детстве мы любили играть на конном дворе. Весной по насту катались с утора на лёгких санях. На гору затаскивать их тяжело, зато вниз летить с ветерком не менее полкилометра. Около двора стоял огромный амбар, где в сусеках хранились семена, фураж, мука и много ещё чего. Кладовщик Семён в картузе, очках, с карандашом за ухом степенно проходил по деревянной улице, всем видом подчёркивая свою значимость.

...В возрасте около пяти лет я научился читать. Стены в избе оклеили газетами. Тётя Маня (Лёля) показала буквы, и я начал складывать из них слова, не понимая ещё их смысла. Потом наловчился бегло читать — и меня слушали. Взрослые-то в отличие от меня понимали значение прочитанного. Дальше — овладел письмом, научился считать на счётах. Дед стал доверять мне заполненные трудовых книжек колхозников. В них учитывались выходы на работу, записывались численные трудодни. Справки давали бригадиры. Скажем, мужикам на мётке сена за день ставили по 1,5 трудодня, а бабам на гребле — вдвое меньше. Книжки выкладывали в конюховке, колхозники их проверяли и, если что забыто, тут же вносились поправки. Итого подводили по году. На колхозном собрании, исходя из общих результатов, собранного урожая, полученных доходов, решали об оплате на трудодень. Распределяли зерно, сено, солтому, льнотресту, масло, льняное, даже мёд. По ведомости заработанное развозили по дворам. Помню, помимо хлеба нам привезли однажды целую телегу турнепса — бело-розового, сочного. Ели его сами, и корову кормили. А сено делили зимой возами.

Рано весной на лошадах боронили зябь, селили яровые. Потом шла посадка картофеля под плуги с навозом. Посевные работы

как-то быстро заканчивались. В них подростки мало участвовали — и школе ещё шла учёба.

Зато между севом и сенокосом весело вывозили в поля навоз, накопившийся во дворах за зиму. Очиптали не только конный двор и ферму, но и деревянные хлевы. Мужики группами по трое потянули его на специальные телеги. А мальчишки, стоя на них, потянули лошадей. В поле опрокидывали платформы, и быстрее назад. Рыбы расстреляли навоз, его тут же запахивали, чтобы не иссох. Так многоводно удобряли землю тогдашние крестьяне.

Во время междупарья стояла теплынь. Во дворах обливали друг друга водой, слышались визг и смех. Коллективный труд несла в радость.

Дружно проходил сенокос. Сначала выкашивали вручную овраги и дога около деревьев, запасая скотине корм на предзимнее время.

Главная же работа предстояла в лугах. Туда, в пойму Вятки (километров за семь от деревни) выезжали всем колхозом. Сталили на вереее шалаши. На дуги брали «вицы» ивы, меж них — берёзовые ветки. Сверху и с боков «свод» обкладывали пластами сена, покрывали шалаши плотной тканью вроде брезента. Спереди, на входе такая же занавеска. Бывало, задождит на неделю, и народ отлёживается по шалашам. В них сухо и тепло.

Поскольку погода всегда изменчива, то колхозники стремились побыстрее убрать траву, заложить хорошее сено. Распорядок на лугах один: с восхода солнца и до темна. Уже часом с четырёх утра косцы горбушами валяли траву в низинах и коткарнике, в кустах. Чуть позднее выезжали на ровные участки конные сенокосилки. На них садились самые опытные, кто умеет управлять сенокошилкой и лошадыми. Косили обычно до завтрака. Питанием на лугах обеспечивали колхоз. Варили кашки, супы, тушили картошку с мясом. Иногда мужикам удавалось наловить в озерах или старице Вятки рыбу, тогда на обед давали вкусную уху, пахнущую дымяком. Между завтраком и обедом бабы ворошили и гребли под-сохшую траву, копнили валки, а мужики втыкали стожары, делали подстилку под стога из крупных веток.

Небольшой отдых после обеда, и все силы — на мётку сена. «Правили» стога умельцы, они так вертели их, чтобы не протекли в осеннюю непогодь. Подростки верхом на лошадах, запрядённых

в клёшню, бойко подвозили копыны к будущим стогам. Ближние копыны бабы подгаскивали на носилках. Все почти без огдыха рабогали допоздна, пока не приберут сено. После ужина у костра, чая со смородиной — отдых в шалапах. Только ночной сторож смотрел за лошадыми.

Бывало, мётку кончали рано. Тогда все спешили к реке — испкупаться, смыть тухлу и пот с тела, после посидеть у костра, поспушать побасенки и разные истории, на которые всегда находились охотники. Происходили и разные случаи: то лошади потеряются, то кто-нибудь шалаши перепутает, не туда в темноте залезет. Или покажется что-нибудь страшное.

Боялись грозы, змей, водяного. Был у нас в деревне сосед напротив — Сена Мишин. Он ужасно остерегался змей. Один шутник решил его напугать. Известно, по весне змеи линяют, вылазят из старой «одежки». На покосе нашли змеиную шкуру и притащили её к шалапам. После ужина мужики курили у костра. Сена Мишин мирно подрёмывал на лавочке. Шутник незаметно подкрался сзади и положил рядом с ним змеиную оболочку. Потом отошёл и подкинул в костёр хворосту. Сухие ветки ярко вспыхнули, кто-то окликнул Сено. Он повернулся и остолбенел: рядом посверкивала змея. Мужик подскочил, дико крича, прыгнул с места метра на три и пустился наутёк. Знать, медвежья хворь прихватил. У костра раздался дружный смех. Семён дотадался, что опасность ложная, и пытался найти насмешника, размахивая топором. Еле его успокоили. Огорчённый приспешшим бедняга пошёл к озеру, где долго что-то полоскал.

Война

Но перенесёмся ненадолго в сегодняшний день. В конце 2010 года мне удалось выпустить книгу «Отец» — воспоминания о нашей семье. Вроде родословной. Больше, конечно, об отце Петре Екимовиче — как он рос, учился, мужал. И его короткий воинский путь, чуть больше года на передовой Калининского фронта. Он погиб в боях под Ржевом 5 августа 1942 года. Здесь повторяется не стану, но кое-что сказать надо.

...Горе подкосило всю нашу семью. Бабушка Ефросинья Ивановна поздней осенью охраняла на току по ночам колхозное зерно, сильно простудилась и слегла. Лечить её было некому (на всю округу имелся один фельдшер) да и нечем. И она умерла в апреле 1943 года. Жила ещё с нами тётя Маня, её я звал Дёпа. Она тоже вскоре умерла — в конце 1943 года — от воспаления лёгких. В той книжке «Отец» я писал, что мои родители недолго жили вместе. Мне было чуть больше года, когда они развелись, уехали из деревни в Киров, у них появились новые семьи. А я остался в деревне. Малыш Масников у дедушки и бабушки. Обо мне они трогательно заботились, и всё было бы нормально, кабы не проклятая война. В деревни приходили похоронки, в колхозах остались старики да бабы. И ещё ребятня.

От горя и лишения в тылу тоже немало народа пострадало. Разрушились семейные очаги. Но все трудности люди стойко переносили и твёрдо верили в победу над врагом. Нечего и говорить о том, каким оказалось наше детство — голодным, холодным, с неосильным трудом.

Дети военного времени — особая категория людей. Мы были тогда ещё малы, чтобы попасть на фронт, хотя об этом мечтали. Поэтому взрослые в своём сознании и понимании жизни. Поэтому воспринимали как должное работу в колхозе, любые обязанности по дому, терпеливо сносили голод, холод, не жаловались на плохую одежду и обувь. Вместо тетрадок писали на полях газет

Дедушка Масников
Еким Алексеевич

Бабушка
Ефросинья Ивановна

Тётя
Мария Алексеевна

или обёрточной бумаге, учили уроки при свете континки (если керосин имелся), а чаще с лучиной. Летом приходилось вставать с восходом солнца и, спотыкаясь, брести за стадом или на конюшню запрягать, хотя так хотелось спать. За этот вонсе не детский энтузиазм нет нам никаких отгичий и льгот. Хотя без нас старикам и бабам пришлось бы в ту пору ещё труднее.

Дед Еким, как я писал в упомянутой книжке «Отец», остался в моей памяти необыкновенным человеком. Мне почему-то нравятся немногословные люди — именно таким был «дедко» (так я его звал). После смерти бабушки и Лёли остались мы с ним два галаха — лапти да рубаха. Одному — 62, другому — 10 лет. Как в сказке, стали жить-поживать. Только наживать нечего и неоткуда, лишь бы с голоду не погибнуть. Правда, из района прислали к нам и предлагал деду сдать меня в детский дом, но он и я категорически отказались.

Какое-то время после смерти бабушки и Лёли дед работал в колхозе, потом ещё в МТС, но вскоре ушёл. Дома-то никого не стало. А хоть какая-то имелась живность. Куры с петухом сидели в заторжке у печки, да корова в хлеву. За курами ухаживать просто — положить в корытце варёной картошки с посылкой да воды в поилку налить. Летом тем более — бегалот они по двору и ночью в старой избе. Только яйца приходилось разыскивать. Прятались несучки по укромным уголкам, гнезда себе сооружали. Корову же полагалось не только кормить-поить, но и регулирно доить. Растёт у неё тогда ожидался в начале марта. Перед ним запук побольше месяца. А пока Беляша (кличка коровы) хоть немного, но давала молока. Оно совсем не лишнее, если есть больше нечего. Первые дни после смерти Лёли к нам приходила соседка и доила корову. Но дальше-то надо что-то делать самим.

Надев зипун и взяв подойник с ковшом тёплой воды, дедко отправился в хлев. Вскоре вернулся ни с чем. Корова фыркнула и бросилась от него в угол. Тогда дед предложил мне попытать счастья. Первое знакомство с Беляшей оказалось нелюбезным. Она мотнула головой и выставила вперед рта. Я попытился к двери и вернулся в избу. Решил надеть бабушкину одежку. Да ещё принес с собой кусок хлеба с солью. Корова слизнула лакомство шепавым языком, понюхала меня и стала мирно жевать жвачку. По тихоньку зайдя к ней сзади, я пристроился сбоку на специальной скамеечке и начал обмывать вымя, потом вытер его чистой тряп-

Мы с дедом у черёмухи (1947 год)

моменты у меня в детстве были, как упоминал выше, — ранние подёмы в летние месяцы. Скот выгоняли на пастбище до шести утра. Значит, в пять пора доить корову, поить её. И такое испытание каждый день. Поэтому иногда на бегу, бывало, сунушь на скамеечку и мгновенно засыпаю.

Зимой уход за коровой тоже не из лёгких. Два раза за день сбрасывать с сеновала в ясли понемногу корма — сначала соломой, потом сена. Периодически очищать кормушку от негодных остатков, добавлять подстилку в хлеву, утром и вечером поить корову не просто тёплой водой, а с посылкой или варёной картошкой. А ведро деревянное, тяжёлое, с длинной ручкой. Нести его в руке сбоку я, конечно, не мог, росту и силы не хватало, даже если налить наголовину.

И неуверенно стал сжимать соски обеими руками. Струйки брызнули в подойник. Перва в моей жизни дойка длилась не менее часа. Руки сильно устали. Но у коровы хватило терпения спокойно простоять, да, наверное, ей и самой требовалось облегчение вымени.

С каждым разом навыки доения закреплялись, Беляшка привыкала ко мне. И наша «дружба» продолжалась более семи лет, пока мы с дедом не перешли на коз, с которыми хлопот тоже достаточно, но кормов требуется меньше, да и молока от двух дерёз нам вполне хватало.

Самые тяжёлые

Изловчились держать ведро обеими руками между ног и короткими шажками двигаться до хлева. А потом допивать пошло из другого ведёрка. Нужда всему научит. Но и падал, бывало, и проливид коровий напиток.

Так и пошла наша жизнь. По утрам носил дрова и топил русскую печку внизу, вечером — круглую «голландку» на втором этаже нашего домика, в чистой верхней половине, где мы спали. Дед заготавливал дрова: срубал весной деревья, мы раздвигали их на кряжи и складывали в клетки на лето. Потом вместе вывозили на санях по первому снегу. Пилили и кололи по морозу.

Водой пользовались из колодца под окном. Бадейка для меня оказалась непосильной, дед привязал другую, поменьше, но и там не раз срывалась с обруба и падала на шестиметровую глубину. А ещё приходилось топить баню (по-чёрному) и мыться щёлком (в корчати клали золу и заливали кипятком). Мыла в войну у нас не было. Стирали тоже щёлком в корчате. Потом белёе вымораживали на улице.

Пол вроде иногда я мыл, но нечасто, хотя подметал в избе ежедневно.

Весной дед копал лопатой дворницу, а боронил участок — на широкой ленте через плечо таскал по пашне лёгкую деревянную боронку. Потом из лужошка дед сел ячмень, а я опять боронил, заделывая семена в землю. Две части усадьбы занимали под зерновыё, третью — картошкой.

Перед окнами около сотки копали под гряды. На них выращивали лук, морковь, свёклу, редьку. Ещё на отдельной грядке дед сел табак, и он вырастал большой, с красивыми жёлтыми цветками. Его срубали, высушивали. Дед топором рубил стебли и листья на доске — получалось мелкое крошево. Злой самосад. После первых затяжек он надрывно, до слёз кашлил. Приходил к нам деревенский сапожник — сосед Павел Захарович — отвезать самосаду. И его продирали до слёз. Оба с дедом смеялись. И говорили при этом: «Наш самосад не то, что магазинный табак. Тот Глазовский кожный — никому не нужный».

А мне было жаль дед, как он мучился, но бросить курево не смог. И я возненавидел табак и курение на всю жизнь.

На огороде всё лето заботы — прополка, полив. Но самая главная — о кормах корове на зиму. Колхозникам на сенокосные тру-

долни выдавали сено. А у нас с дедом какие трудности — так себе. Приходились обкашивать траву около огорода, полянки за околицей у леса, таскать плетёнь осоку из сырых логов и сушить за домом под навесом. Чаше тайком, чтоб никто не заругался. В тот

Однажды «заготовитель» корма едва не пострадал. По июльский день стояла духота, как в народе говорят, парило. По небу бродили тучи, неподалёку поляну клевера. Сходил домой, ели на опушке леса я приметил поляну клевера. Надо дождя собрать взял косу-торбушу и плетень. Надо спешить — до дождя докаши-траву. А туча приближалась, молнии посверкивали. Я уже докашивал клеверную поляну, как вдруг рядом сильно треснуло, будто что разорвалось. И я, не зная как, оказался под деревом, коса вылетела из рук, воткнулась в землю.

Оправившись от страха, просидел под елью, пока не стих дождь. Потом стрёб в плетень сырую траву и еле приволок в свой огород. Рассказал деду и показал изогнутую и почерневшую косу, которую пришлось заменить. Хорошо, что так обошлось. Бог по-миловал!

Косить на полях и в лугах для личного скота строго запрещалось. Всё сено с них шло на фермы и конный двор. В этой связи хочу вспомнить один любопытный документ. У меня случайно хранится заявление, с которым дед обратился в Медянский райземотдел. Привожу его полностью.

*От гражданки деревни Малые Мясниковы,
колхоза «Пахарь» Медянского сельсовета,
Медянского района, Кировской области
Мясникова Екима Алексеевича*

З А Я В Л Е Н И Е

Настоящим прошу Медянский райземотдел принять моё заявление и разобрать его в непродолжительное время. Просьба к вам такова. Колхоза «Пахарь» правление, в котором я работаю, не даёт мне покосить травы — обеспечить корову кормом. По истинной причине правление приходить к слабодидировать корову, не считаясь с моим престарелым и слабым хозяйством, пострадавшим от Отечественной войны

с германскими фашистами, на которой убили и меня единственного сына, старшего лейтенанта. Он мог бы меня с вилком, 13-летним его сыном, прокормить.

Я сам большой престарелый 65-летний инвалид второй группы, воспитываю и учу внука-сироту.

Семейство наше состоит из двух человек, ни единого трудоспособного в хозяйстве нет.

Правление колхоза молвитурет тем, что когда всё выкосят и соберут, то по трудо дням сена дадут. Конечно, они сами себе поучат сена — обеспечат своих коров. У них кордние трудодни — их за год будет много. А я где могу взять трудодни, когда сам инвалид престарелый и в хозяйстве нет ни одного трудоспособного. Было прошлое время, работал в колхозе, выполнял всевозможные обязанности. Когда мог, 6 лет — председателем колхоза, 2 года счетоводом. И физически работал на всех работах. А теперь, когда занемог, то ставят «принципиальные» вопросы и не дают на корову покосить. Корову надо ликвидировать. Я большой, мне требуется для питания молоко. Понятно, если бы в колхозе «Пахарь» не было сенокосной площади, чтобы обеспечить общественный скот — как ферму, так и конское поголовье, а также государственных сенокосов, тогда другое дело.

Можно вполне обеспечить коров колхозников, если бы правление учло всё как следует, и о нас позаботилось. А то правление лезе учло всё как следует, и о нас позаботилось. А то правление разбазарило целиком всю Курью — 120 гектаров покосов, а нам покосить даже в парках не даёт. У нас в Советском Союзе пока нет такого закона, чтобы ликвидировать у крестьянина корову.

К сему заявлению подписуюсь Масников Е.А.

На этом кричащем о несправедливости заявлении резолюция районного начальника: «На рассмотрение общего собрания колхозников». Не знаю, обсуждалось ли на колхозном собрании заявление моего деда, но на корову в тот год сена мы всё-таки заготовили.

Надо сказать, что позорная и порочная практика запретов самостоятельного обеспечения колхозниками своего скота грубыми кормами продолжалась многие годы. И если в суровые военные и послевоенные времена это диктовалось действительной необходи-

мостью, нехваткой фуража для ферм, то позднее, когда в колхозах и совхозах появились достаточно техники для своевременной заготовки кормов, за счёт механизации лугов и пастбищ повысились сборы сена, расширились площади сеяных трав, запретительные меры носили скорее организационный характер, чтобы крестьяне быстрее убрали травы и заложили корма для общественного стада. А уж потом им разрешили «покосить для себя». У нарушителей же, то есть тех, кто осмелился в неудобных вилках двор, а виновников обнаруженные стожки увозили на колхозный двор, а виновников подвергли наказанию — лишению премияльных или ещё каких-то благ. Всё это вызывало недовольство у селян. Но на помощь руководителям хозяйства приходили прокурорские работники и «разъяняли» противозаконность самовольной заготовки кормов. Бывало, что обиженные таким отношением люди бросали насильственные места, уезжали в город. Писатель Владимир Ситников, большой знаток сельских проблем, подобные и другие деяния неадекватных руководителей окрестил термином раскрестьянивание. И он, наверно, прав.

Но тогда мы этого не понимали и не могли понимать. Существовала работа — как прожить. Об этом приходилось думать постоянно. С ранней весны, когда картошка уже кончалась и муки оставалось чуть-чуть, переходили на подножный корм. Сначала собирали несты — благо их в поле за «синим морем» росло много. Пестики мыли, чистили и клали на сковородку, заливали разбоданным в молоке яйцом и жарили. Получалось отличное блюдо. Песты проходили — принимались за кислёнку. Потом готовили лепёшки из могодого клевера с малой толкой муки. Варили ещё свекольный лист — и непохожая вроде похлёбка. Рано начинали подкапывать картоху. Это надо делать умючи, примерно отогрести землю от куста, обнаруженный клубень осторожно оторвать и снова засыпать куст, чтобы не повыл и рос до осени. На таких вот опипанных растениях картошки бывало даже не меньше, чем на обычных.

Кстати, о муке. Как её производили и откуда она появлялась — не все могут знать изобретение военного времени. Посеянный в отороде ячмень созревал рано — в конце июля, желтел, щеперился своими усами. Его мы с дедом жали серпами, вязали в снопы и

ставили в бабки, их продували. Затем сушили в старом овине или на сеновале. Дальше следовала молотба. В просторной отраде растаивали большущий полог, на него раскладывали ряды снопов колёвьями друг к другу, развязывали их, чтобы масса стала ровной и потоньше. Затем били-молотили цепами. Цеп — это две палки, одна длинная, другая короткая и толстая. Между собой соединены прочным кожаным ремнём. Орудовать цепом вроде бы просто, но на деле у меня не сразу получалось: то коротким концом заеду себе по голове, то к снопу удар не прилетает. Постепенно привык молотить. Выбитые снопы убирали на сеновал — на корм корове. А на молоченный ворох дед умело вёл на ветру. Сыпал из лужонка над головой. Мякина и ость отлетали в сторону, а чистое зерно падало на полог. Дальше урожай требовалось высушить. Русскую печь топил утром, она выстаивалась, из неё вычищали угли и золу, а на горячий под сыпали слой ячменя. До утра он высыхал и был готов к размогу или хранению.

После обмогота ячменя свежую солому сметали над амбаром. Она лежала словно душистая перина. И я решил спать на сеновале. Благо ночи в августе ещё тёплые. Оборудовал навес из полога. Две ночи прошли спокойной, а в середине третьей неожиданно проснулись: кто-то холодный скрёбся у меня подмышкой. С испуга крепко бросил комок. Спать ушёл в избу. Утром нашёл в отраде задвигенную полевую мышь. Видимо, её привлекли в соломе оставшиеся зёрна. Больше на сеновал я уж не пошёл.

У нас имелись жернова — один чулунный, тяжёлый, вторые деревянные (два берёзовых крута с выбитыми в них по окружностям стальными полостками). В нижнем имелся стержень — на него надевалась верхний жернов с ручкой. Зерно засыпалось в круглое отверстие посередине. Надо часами вращать жернова, чтобы измельчить ячмень. Сначала зерно пропускали через чулунные жернова — их крутил дед, у меня на них не хватало силёнки. Деревянные крутились легче, в них засыпали уже крупу первого помола, а сыпалась с боков мука, хотя по современным меркам таковой назвать её нельзя. Но всё-таки почти мучная масса, из которой можно печь лепёшки пополам с третьей сырой картошкой. Во всяком случае, есть их вполне можно.

Потом, когда я подрос, то носил за плечами в маленьком мешке с лямками ячмень на мельницу в деревню Гарда за 7 километров. Там седой мельник взвешивал «рюкзак» на весах, вытряхивал зерно в дарь, а мне нагрёбал муки — и снова взвешивал. Обратно идти было легче. И приятнее — несёшь настоящую муку.

Пишу обо всём так подробно потому, чтобы молодые знали, какими трудами хлебушко достаётся, и сколько процессов происходит, прежде чем появятся буханка или багон. И больно видеть, когда уже привычно бросают ломти хлеба, булок в мусорные вебра и контейнеры, не задумываясь об их истинной стоимости. Тогда в войну, горбушка хлеба — это цена жизни. Пусть сейчас почти все производственные этапы в сельском хозяйстве механизированы, но поту тракторист, комбайнер проливают не меньше. Да и на хлебозаводах и в пекарнях не всяк сумеет выпустить достойный продукт, а только мастер. Не зря на Руси издавна говорят: «Хлеб — всему голова».

Будто сейчас всё происходило — так застряли в памяти картинки детства: работа на огороде, в поле, по уходу за коровой. Детские горести и радости. В военные годы на помощь нашему колхозу приходила техника Кирово-Заречной МТС. Она располагалась в селе Медяны. Отсюда и направляли тракторные бригады. Только в них тогда почти не было мужиков, разве из тех, кто оказался неподалёку по здоровью и не попал на фронт, да ещё ранены и пожилые. Поля за деревней пахали на тракторе «НАТИ» (вроде такая марка) девчата в замаслённых телогрейках и сами перемазанные. Как Коленавал крутили за ремённый шнур, привязанный к заводной ручке. И после нескольких рывков мотор чихнул, и вдруг резко и сильно ручку сдвинуло назад. Ручкой ударило по голове трактористку Любу. Она упала без сознания, из раны на лбу потекла кровь. Еле её отходили, рану заклеили. Трактор наконец завёлся, и пострадавшая Люба выехала на пахоту.

Осенью в школе после трёх уроков обычно мы шли вместе с учителями на ближние поля — дён терёбить или картошку собирать. Картофель увозили на лошадях в деревянные коробах Слободской спиртавод. Спирт был нужен фронту. А в некоторых хозяйствах промывают и очищенную картошку ломтиками сушили в печах, она тоже шла для бойцов Красной Армии.

Войну мы почувствовали близко уже зимой 1941–1942 годов, когда к нам привезли эвакуированных эстонцев. У нас в доме поселили учительницу с ребёнком примерно моего возраста. Тогда была ещё жива бабушка, и она с жалостью и участием смотрела на зауганную до смерти женщину, которая от пережитых потрясений замкнулась и почти не разговаривала, только временами глядела по голове своего сына. А тот был весь измазан зелёной (так лечили коросты) – исхудалый и малоподвижный. Эвакуированным выдавали какие-то продукты. Бабушка наливала парнишке в зелёном бокале кипячёного молока с пенкой, и он, босякиво озяраясь, быстро выпивал его. У нас и самих с продуктами было туго, но поправляем в беду от фашистов помогали, чем могли, делились последним. Через какое-то время эстонцам разрешили уехать. Не знаю куда. У нас в тихой деревне они отошли от фронтовых ужасов, обогрелись, подкрепили свои силы. А главное – встретили доброе участие.

И когда сегоднешние прибалтийские, в том числе и эстонские, националисты называют нас захватчиками, колонизаторами и т.д., требуют с России каких-то репараций, возврата земель, это напоминает кошмарный балаган или бесовскую свистопляску. Кроме добра русские люди им ничего не делали. За годы Советской власти прибалтийские республики, не имея природных богатств, были обустроены несравнимо лучше российских областей, да и уровень жизни у них поднялся значительно выше, чем у нас. За эту нашу доброту и плюют нам в лицо и поносят советскую историю.

Вспоминается и такой случай. В те суровые годы страдали не только люди, но и дикие звери. Однажды зимой заголодавший волк среди бела дня забрёл в нашу деревню, ничего не нашёл, чтобы поживиться, и направился в сено. На его окраине стоял клуб, где как раз проходило какое-то собрание. Хипник, видимо, хотел погреться или найти съестное. Дверь в клуб оказалась незакрытой, и волк забрёл в фойе. Находившиеся там люди сначала подумали, что это собака, но потом поняли – волк. Они вызвали из зала начальника милиции. Тот выгнал волка на улицу и застрелил из пистолета.

А особенно годноно почему-то было в первый послевоенный год. К весне 46-го почти у всех запасы еды кончились. Снег рас-

таил рано, и деревенские пошли на бывшее картофельное поле, стали перекапывать землю в поисках клубней. Уборку осенью провели некачественно, и потому прошлогодней картошки насобирали много – и в ведра, и в корзины. Шкурка у клубней легко снималась, оставался белый «крахмал». Из него наварили киселедя и наелись досыта. Но еда эта оказалась губельной. В морозной картошке за зиму образовался яд, которым в трёх семьях все отравились. От кровавого поноса несколько человек не могли спастись. Целую неделю в деревне шли похороны. Одни копали могилы, дед с соседом, тоже стариком, мастерил гробы, соседки обряжали умерших. Я плакал оттого, что отравилась мой дружок – ровесник Лёнька. Их нашли в избе с матерью мёртвыми, лежали на полу. Отец Лёньки погиб на фронте. Умерших хоронили молча – горя у всех было столько, что не до причитаний. Но не все, кто ел кисель из «крахмала», погибли. Не забодели те, у кого были коровы, потому что кисель они варили на молоке. Корова тогда являлась главной кормилицей, спасительницей, а иногда и татловой силой.

А в школе свои трудности. Мы часто мёрзали – дров не хватало, да и здание было старой постройкой. Писали на чём придётся, особенно домашние задания. Тетрадки у каждого имелись только классные. До пятого класса наша учительница – Клавдия Михайловна, хоть и молодая, но была нам как мать – добрая, заботливая, ласковая. Она не забывала спрашивать с нас, хотя во всём помогала. Терпеливо разъясняла непонятное. Оставалась с нами после уроков, веда дополнительные занятия. Любили её и слушались. Позднее она вышла замуж за демобилизованного моряка Григория Метелева от Ложкиных. Они переехали в Мургино и долго там работали.

Дабы не отморозить ноги, дед оборудовал мне старье, мягкие валенки. Чтобы они не развалились, их засунули в лапти (вместо калош). Так и ходил в школу две зимы, пока однажды в деревне не появился пимокат. Он кочевал по округе и при наличии шерсти у заказчика катал валенки добротные. Мы с дедом овец не держали. Дед ходил куда-то за несколько километров, вроде в Чураково, и купил фунтов пять шерсти, и у меня появились валенки, хотя и большие, на вырост с запасом, зато тёплые.

— Што это, што это, не знаем, кто зинт собаку, — причитала она. А мне пришлось стерпеть, чтобы не рассмеяться.

С тех пор Сычѳв, приходя в гости, Тобика забирал в дом, чувствуя, что его подстерегает неведомая опасность. В конце концов они однажды всей компанией поехали на отдых на Великую. Там распивали вино и веселились, катались на лодке. Захмелевший Шура Коротких упал в реку, а поскольку плавать не умел, то успел захлебнуться. Его вытащили из воды уже неживым. Когда у народа горе, праздновать и веселиться не положено.

И после войны трудно

Весной 1945-го кончилась война. В окрестные деревни и село возвращались солдаты. Пришёл с войны и Вася Брыльга, а ещё раньше Петруня Сизик (прозвище за чёрно-сизые волосы), который весной того же года утонул в половодье. На фронте его ранило в ногу, он хромал. Решил сходить в дуга и порыбачить саком вброд. Где-то осступился своим протезом в потоку, одежда намокла и утонула его на дно. Видимо, с большой ногой не хватило сил выбраться на берег. На фронте уцелел, а дома вот погиб. Такай, выходит, судьба. Потом у них в семье и жена его умерла, она долго болела. Остались сиротами трое братьев: Вася, Толя и Генька да их тётка Дарья.

Я уже писал, как голодно мы жили. Выручали коровы да усадьбы. И надо ещё помогать государству. Как-то перед сенокосом в деревне объявили о собрании. Почему-то они всегда проходили в избе Петруни Сизика — там места много, чтобы всем деревенским хватило. Бабы теснились по лавкам, кто-то стоял у двери. Старики с самокрутками присели ближе к окну. Мой дед Еким сбоку у стола, а во главе уполномоченный Макаров — в кожанке и с планшетом. Оттуда достал бумагу. Макаров повоевал на фронте, его демобилизовали по ранению и направили в МТС политруком. Ездил он по колхозам, проверял тракторные бригады, встречался с народом. И здесь он сначала рассказал, как идут дела в стране, что происходит в области.

Потом стали обсуждать подлиску на заём. Обычно на хозяйство приходилось от 200 до 500 рублей. Но денег в колхозе на

трудодни не выдавали. Их можно выручить от продажи на рынке молока, картошки, яиц, если такие продукты имелись. Потому колхозники понимали: в займе всё равно придѳтся участвовать, но как бы поменьше подписаться. И уполномоченный примерно знал возможности каждого.

Говорили обо всѳм, спорили. Потом стало тихо. Наступил репительный момент: кто первый назовѳт цифру и распишется в ведомости. Смелого пока не находилось. И вдруг в напряжённой тишине раздался оглушительный шлепок — будто ремѳнем по чему-то хлестнули.

В избе все замерли. А Макаров поблдедел и что-то держал в руках. Он был лысый, и ему по лысине чем-то ударило. Оказалось, с полатей, под которыми он как раз сидел, политруку на голову упала тяжѳлая лопатка (брусок для точки и правки косы-горбуши). Естественно, она не сама прыгнула. На полатях сидел младший из братьев Сизиков Генька и играл лопаткой. Двигал её туда-сюда, пока не столкнул вниз. Макаров неуверенно встал, взял бумагу, планшет и ушѳл из избы.

Несколько минут никто не прокинёс ни слова. А потом, как залп из ружья, грянул смех. Хохотали до слѳз, хотя на душе у многих скребло. Никто Макарову зла не желал — просто так случилось. Тётка Дарья ринулась на полати, схватила парнишку и давай лупцевать.

— Оставь его, — запричитали бабы. — Што он понимает. Самы лопатку там оставили.

Макаров в деревне больше не появлялся. Дед Еким ждал неприятностей, тем более ходил по улице какой-то тип и всех спрашивал про собрание. Но всё обошлось. Ведомость составили, все в ней расписались. Деньги собирали позднее. А цифры были проставлены по согласию каждого. Генька по младости лет не мог понимать, что он избавил деревню от более обременительных расхолов.

Демобилизованные солдаты чувствовали себя героями. На гимнастѳрках у них красовались медали и ордена. Они гуляли по селу, выпивали, пели песни и даже устраивали драки. Выясняли, какой род войск самый геройский. В ход шли не только кулаки, колья, но и солдатские ремни. Мы, ребятишки, издали со страхом и интересом наблюдали за стычками.

Особо выделялись два-три героя. Один — высокий, крепкий и тростью (в звании, кажется, старшины). Он сбивал с ног нападавших одним ударом кулака и хромал дальше.

Другой, по-моему, командир, виртуозно владел рукопашным боем, раскидывал дерущихся. Пока они, лёжа на земле, приходили в себя, тот удалялся в столовую. Но всех одолевая морячок в тельняшке и бескозырке, который, обмотав кисть руки концом ремня, другим с близкой нешадно дурил «противников», пока они не покидали место схватки. Постепенно хулиганские выходыки вчерашних виновнов улеглись, их запал остудила милиция. Никому не захотелось дальше драться — ведь можно и за решётку угодить.

В селе с приходом солдат стало оживлённее. И мы частенько туда бегали посмотреть на их гулянки. Но у нас в летние месяцы хватало и других излюбленных мест для отдыха и развлечений. Наша компания состояла из трёх папанов — я и два брата, сыновья Ефросиньи Дмитриевны и Николая Дмитриевича — Коля и Гена. Они были чуть помоложе меня. У них ещё имелось две сестры: Муза — старшая, она уже где-то работала, и Люся — моложе Коли. Их дом стоял на краю деревни у лужка с болотинной. Жили справно. Держали много гусей. Николай Дмитриевич, тоже прошедший войну, бригадирил. Ефросинья Дмитриевна заведовала в селе сельповской чайной. Стояла за стойкой многие годы. И, бывало, в самые толодные времена приносила нам с дедом буханочку хлеба, когда уж совсем есть становилось нечего. Она меня жалела и привечагла, и я всегда помнил её доброту.

Так вот наша «троица» имела в окрестных лесах заветные места — ягодные, трибные, а также полянку для костра. Пекли в золе картошку, искали и ели какие-то травяные сердечки. Сняв кору с веток крушины, соскребали прослойку (камбий, кажется), которая казалась очень сладкой. Собирали на жвачку серу с словых деревьев. Часто играли в прятки. У каждого в запасе имелась рогатка, ножик и прочие «орудия». Упругие ветки можжевельника шли на тививу лука, а стрелы вырезали из прямых и тонких веток ивы. Сореноваались в стрельбе по мишени — картонке с нарисованным кругом.

Случались, конечно, и неприятности. Всё лето мы носились босяком. И кожа на подолшках постепенно затвердевала, дубела. Выше холок на ногах сплошь царяпины, ссадины. А если ещё пред- ставить слой грязи, который не сходил с них, то они совсем как ко-

жаные чулки. Однако и закалённые ноги не всегда выдерживали. Как-то за двором, в спешке миновав крапиву, я наскотил на донышко разбитой бутылки, торчащее стеклянное острие проткнуло мне стопу. Еле уняли кровь. С замотанной и перевязанной чистой ми тряпками ногой пришлось хромать не одну неделю, опираясь на самоделную трость.

В другой раз на гумне мы впрёме стали кататься на молотилке. Обычно во время молотбы лошадь ходит по кругу и вращает привод. От него идёт вал, который через шестерёнки передаёт усилия на барабан, установленный в кожухе молотилки. Он быстро вращается и своими зубьями выбивает зерно из кидаемых туда снопов. Из кожуха вылетают не только зёрна, но и солома, полова, гумённые отходы.

Потом из вороха отгребают солому, а оставшуюся груду пропускают через веялку и сортировку. Получается чистое зерно.

На току никого не видно, и мы вместо лошади начали толкать бревно, привод привёс в движение шестерёнки, молотилка завизжала. Один из нас, чтобы инерция не ослабла, продолжал давить на бревно, а остальные катались на другом, к которому привязывали лошадь.

Кто-то из стариков увидел охальников и с криком побежал на гумно. Мы бросили молотилку, но она продолжала вращаться и гудеть. Я захотел остановить её и схватился за большую шестерёнку. Моя левая ладонь и пальцы попали меж зубьев. Я закричал от боли. Но тут подоспел Николай Дмитриевич, который колом застопорил колесо. Если бы не он, у меня вместо руки осталась бы культия.

Часа два пролежал на гумне. Потом кожа на руке облезла, долго не зарастала. И позднее эта рука зимой всегда мерзла. Шалости иногда дорого обходятся.

Современные дети имеют опромный арсенал игрушек, вплоть до электронных. А у нас даже такого понятия не было — купить игрушку. Поэтому все орудия забавы делали сами, перенимая опыт друг у друга. И развлечения придумывали самые неожиданные. Например, лазить по деревьям и прятаться там. Или из стальной проволоки загибали «правилку» и в ней по улице гоняли железное колесо — от какой-нибудь техники либо обруч от калки. Но чтобы был гладкий. Ещё была игра в «чикало-бегало». На вбитую в землю широкую планку ложили маленький мяч, затем тяжёлой

палкой ударяли по планке так, чтобы мяч летел как можно дальше. Побеждал тот, у кого расстояние от планки до упавшего мяча окажется больше.

Осваивали ипру из многих упражнений с ножичками. Различные приёмы были, чтоб ножик воткнулся в землю, а не упал.

Зимой до «обледенения» катались на самодельных лыжах с круглого спуска в лог. И головой в снег выткнулись, и просто падали, и перевертывались. Поджидывали на лыжно хвойные лапки, засыпали их снегом, потом возвышение обрывалось ступенькой — получалось что-то вроде трамплина. Метра на 2-3 с него «бросало». И не всегда горе-лыжники могли устоять на ногах — зачастую летели вверх тормашками.

Соседи

Почему-то с Сизиками мы не дружили. А другие парни, что постарше, нас не признавали. У Васи Бульги один сын (забыл его имя, кажется, Виктор) считался почти взрослым, младший — Генька — до нас не дорос. Кстаги, ребята у этого забудьдыги стали хорошими людьми. Да и жена его, Вера, считалась примерной женщиной.

Гена — Евений, когда выучился, работал в милиции госавтоинспектором в районах нашей области. Потом завербовался на Сахалин, жил там около 20 лет. Став пенсионером, в начале 2000-х годов вернулся на родину, обосновался в Муругино, бывал у меня на работе. Но серьёзно заболел и не так давно умер. Жаль его, он был из нашего детства.

Помнится из соседей Иван Евдокимович, по прозвищу Бутуз — небольшого роста, с рыжей бородой клином. В колхозе никогда не работал, говорил, что у него грыжа. Зато его жена Анна Семёновна, могучая баба, старалась за двоих. Детей у них не было. Домишко на краю деревни казался хибаркой, но это только с виду. На самом деле внутри всё выглядело красиво — полы и лавки покрашены, везде чистота и порядок, яркие половнички, занавески. Высокая кровать. Строгая рука хозяйки чувствовалась. Бутуз ухаживал за огородом, пасушил коров в свою очередь. Таскал из леса траву, венники. У них за баней росла яблоня — предмет наших

вожделений. Незаметно пробраться к ней невозможно. Тогда мы придумали, как обмануть Бутуза. Двое из нас начинали на улице бросать камушки в забор перед его домом. Старый хрыч выскочивал с руганью на улицу. Мы продолжали его дразнить, отбегая на безопасное расстояние. Бутуз кидался за нами с длинной вицей, но догнать «фудлиганов» не мог — они удирали быстрее. Пока мы дразнили старика, третий из нас, наиболее ловкий, пролезал сзади в огород между досок, набивал яблоками карманы и пазуху. Потом удирал, подая нам сигнал свистом. Сбегались вместе в поскотине, на известной полянке у кострища и съедали добычу, хотя яблоки были ещё кислые и жестковатые. Хитрый Бутуз заметил убывшую яблоню. И не стал больше таяться за нами — просто запер ворота и уходил внутрь огорода.

Однажды зимой мой дед по матери кузнец Зот Андреевич зашёл к нам отдохнуть и погреться. Он прошагал из Домрачёнок Медяны, чтобы купить вольки. В наше село привезли её несколько бочек и торговали на разлив. У кузнеца деньги всегда водились, и он решил запастись спиртным. Прихватил с собой новое ведро. На обратном пути встретился ему Бутуз. Он вежливо поздоровался и спросил кузнеца, куда он зимой тащит воду и зачем. Зот Андреевич рассмеялся:

— Что ты, варнак (его любимое прозвище), какая же это вода. Воды у меня и дома хватает.

— Тогда что это? — не унимался Бутуз.

— А ты попробуй, лакни!

Иван Евдокимович встал на четвереньки, понюхал содержимое ведра и припал к его краю, глотая огненную влагу.

— Ну, хватит, хватит, а то до дому не дойдёшь, — прикрикнул Зот Андреевич и шагнул со своей ношей дальше.

Любопытный Бутуз продолжил путь в село, но вскоре приняв таю дозу на него подействовала, и он растянулся на снегу. Кто-то сообщил его Анне об этом, и она отправилась в село с санками, на чём и притащила своего благоверного домой. Шпыняла его по дороге, ругала на чём свет стоит, а Бутуз беспомощно лежал на санках, волопча ногами по снегу и что-то довольно мычал. Вот до чего жадность доводит.

Сестра Анны Семёновны Матрёна жила на другом конце деревни со своим мужем сапожником Павлом Захаровичем. У них выросло двое детей — старшая Зоя, впоследствии работала глав-

ным бухгалтером в совхозе «Медянский», у сына Васи профессии были связаны с техникой.

Павел Захарович, помните, был очень интересным человеком. Мне кажется, он всю жизнь провёл на обшпитом кожей круглом стульчике у ножной швейной машинки марки «Зингер». В округе люди знали его мастерство, ему несли на ремонт туфли, сапожки, ботинки — и любую обувь он мог привести в порядок, зашить, прошить, подбить подошву, да так, что и не узнать, она стала ли как новая. При наличии у заказчика материала и новую новилась как новая. При наличии у заказчика материала и новую обувь шил. У него имелся набор разных колодок, а также выкрой-ки, гвозди всякие, в том числе деревянные — из берёзы, подковки, набойки. Но самое главное, Павел Захарович слыл удивительным рассказчиком — он знал множество историй. В его избе всегда кто-нибудь сидел из соседей или знакомых. А хозяин, завернув из сапога обромную питарку, из дыма которой выступал его горбатый нос, оседланный очками, вспоминал, как он томился в германском плену в Первую мировую войну. Там тоже чинил и шил обувь, и хозяин к нему относились терпимо. Позднее, когда я уже начал работать в Гороховской школе учителем и на лето приезжал домой в деревню, мы с Павлом Захаровичем не раз ходили на дуга к реке Вятке за семь километров ловить рыбу. Он оборудовал мне удочку с длинным ивовым удилищем, прочной леской и средних размеров крючком. Червей в бурячке я запасал сам. Мы уходили на дуга к вечеру, присматривали сначала место для ночлега, для костра, запасали на ночь дрова. Потом садились на вечерний клёв к озеру. Бывал улов у нас до килограмма — окуньки, сорожки, даже щурёнки попадались. С началом сумерек разводили костёр, подвешивали котелок, чистили рыбу, картошку. В это время уже появлялся дуговой лук — им заправляли уху. Получалась похлёбка выше всяких похвал. Чай заваривали с листом смородины. Спали у дерева под навесом из веток. Вставали утром часа в четыре — и на Вятку, на оборудованные места. Клёв продолжался до обеда. В Вятке хватало наживу головли, на донку — лещи. Попадались и красноперки. Подкрепившись вечерней ухой, — она уже становилась холодцом — двигались в обратный путь. Как правило, приносили и на уху, и на пирог-рыбник. Добирались домой усталые, невыспавшиеся, искуссанные комарами, но чрезвычайно довольные.

Обо всех деревенских не рассказать. Помню только, от села в первом доме жила Сусанна. Она всё болела. А напротив нас сто-

ял дом Марии Захаровны — крупной, немногословной женщины. Её муж, Василий Николаевич, погиб на фронте. Помучилась она с ребятими в колхозе и решила искать лучшей доли. Устроилась в Мурыгино на бумажную фабрику «Красный кургант», видно обучилась какой-то специальности. Там ей дали комнату в общежитии — из деревни перебрались всей семьёй. В трудное послевоенное время многие, если их отпускали из колхоза, стремились в город или посёлок. Всё же заработок надёжный — деньгами, а не трудоднями, как в деревне. На трудодень-то, бывало, по итогам года мало что доставалось.

Тогда я уже окончил шесть классов, был худ и мал ростом. Зато мог управлять со всеми деревенскими работами как по дому, так и в колхозе, когда летом нас наяржали на сенокос — возить копны. Или боронить поле для озими. Умел запрягать лошадей, ездить верхом. В общем, духом не падал. Ещё любил читать, если находил книжки. Они, правда, попадались мне нечасто.

Иногда жизнь поворачивается неожиданной стороной и на тебя сваливаются неприятности, которых никак не должно быть. Несмотря на проказы, о которых говорилась выше, я не считался забиякой. Стыдно сказать, но никогда ни с кем не дрался. Сам не нападал, и меня не трогали. Правда, за всю жизнь меня всё-таки трижды побили — один раз в детстве, остальное в молодости. До женитьбы у многих парней бываюот стычки из-за девчат. А вот детский случай совсем другого рода.

Всё произошло летом. Дед послал меня в чайнуу за хлебом. Там сидели за столами несколько человек. Буфетчица куда-то вышла, и я ждал её, прислонившись к стойке. Неожиданно в чайную ввалилась пьяная тройца во главе с Ефимом Захаровым из деревни Брухань. Не желая с ними связываться, посетители потихоньку шмыгнули на улицу. Остались в зале бабы и я у стойки. Ефим Захаров, покачиваясь, подошёл ко мне и грозно спросил:

— Кто таков?

— От Мясниковых, внук Екима.

Ефим гразно выругался:

— Я твоему делу ещё припомню. — И схватил в кулак с прилавка 200-граммовую пирю, потом ударил меня тяжелой рукой по лицу. Конечно, я упал. Бабы закричали:

— Что ты, бандит, делаешь! Оставь ребёнка.

Ефим пнул меня несколько раз. Из кухни выскочила Ефросинья Дмитриевна, вытолкала прынчугу за двери, подняла меня и повега, чтобы смыть с лица кровь. Меня шатагло, голова гудела. Из разбитой губы сочилась кровь.

С трудом вернулся домой. Увидев мои синяки, дед подумал, что я с кем-то подрался. А когда я ему рассказал, он пошёл в село. Ефим, упившись водкой, спал на траве около церкви. Вилимо, дед хорошенько его встряхнул, но тот спяну ничего не понимал, только бормотал: «Прости, прости!».

Долго переживал из-за того, что меня безвинно избили, просто так – повернувшись под руку. И что у сильного всегда бесильный виноват.

Этот случай послужил основой для рассказа, который опубликовали в одной из областных газет (в республике Коми). Привожу его полностью.

ВСТРЕТИЛИСЬ

Прекрасное июньское утро невозможно себе представить, если вы не бывали в это время года в наших краях. По небу, как в сказке, плыли лёгкие, молочные облака. Едва приметный ветерок пошевеливал травы. Приближалась пора сенокоса, и всё благоухало вокруг.

Я шёл берегом старицы по заливному лугам и наслаждался такой знакомой картиной природы, но которую давненько не видел. Позади годы армейской службы. И ещё солдатская форма ладно облегает тело, ещё легки сапоги, а впереди уже заботы гражданской жизни.

Пока же я ни о чём не думал всерьёз, наслаждаясь после городского шума непривычным покоем, стрёкотом кузнечиков, ощущением свободы и раскованности.

Шатаюсь легко, дышалось привольно. За плечами вещмешок с рыбацким уловом. Клёв выдался на зависть: будет чем похвалиться перед соседями.

Как заправский пешеход, вырезал из рябины увесистый посох и отмахивал, опираясь на него.

До нашего местечка оставалось километров пять. Полуза-

росшая тропинка вилась между кустов, убегая в лес. Впереди величественно наступал сосновый бор.

Ничто не омрачало радостного настроения на этом празднике природы. Вокруг разбросаны островки дубовой поросли, виднеются запыленные бугров с покрывалами земляники, неподалёку спокойно струится Вятка.

Я прибавил шагу, надеясь до жары попасть домой.

Неожиданно вдали замаячила и стала вырастать фигурка. Я поневоле начал всматриваться в того, кто неуверенной походкой приближался. И вдруг... меня бросило в жар, по спине пошёл озноб.

Я узнал его, своего давнего обидчика, лютого и злобного. Лихорадочно заработала мысль, картины наплывали одна за другой.

Вспомнилось горькое военное детство, и ком обиды прихлынул к горлу.

А он тоже теперь, наверно, узнал меня. Остановился в нескольких шагах, тяжело дыша, сверкая чёрными зловещими глазами из-под лохматых бровей. Лицо его подёргивалось, руки блуждали по старому, обтрёпанному пиджаку, ища пуговицы. Ефим Захаров сильно изменился. Постарел, одряхлел и уже не выглядел таким устрашающим, как раньше.

Я стоял и смотрел на него, а видел родное село в такой же летний день послевоенного года. И себя, мальчонку лет двенадцати, в рубашонке, перешитой из кофты, портянок покрашенных штанах, босиком, стоящего около прилавка в чайной. Буфетчица – Ефросинья Дмитриевна – частенько подкармливала нас в то голодное время. И всегда при этом вспоминала со слезами на глазах моего отца и других мужиков, погибших на фронте.

И надо же так случиться, что именно в тот момент, когда я ждал у буфетной стойки, в чайную ввалилось несколько пьяных

Рисунок к рассказу из газеты
«Красное знамя»

Мужиков из соседней деревни и среди них Ефим Захаров. От фронта он отвертелся, а где работал, неизвестно. Часто бывал пьяным, при этом куражился над всеми, зная, что его боялись. До войны Ефим сидел в тюрьме за кражу.

И на этот раз Ефим сразу же начал горланить, ругаться, требовать пива.

– Скорей бы уйти, – подумал я.

– Нетвёрдыми шагами Ефим подошёл к буфету, покачнулся и спросил, показав на меня:

– Кто таков?

Я молчал. Один из компании шепнул ему что-то на ухо.

– А-а! – зарычал Ефим в приступе злобы. – Так это твой дед захотел выслужиться и посадил меня за решётку.

Последовали грязные ругательства и угрозы. Не успел я что-то пробормотать в ответ, как Ефим, схватив с прилавка гирию, и без того тяжёлым кулаком сбил меня с ног и начал пинать.

Я потерял сознание. Этот Зверь забил бы меня ни за что ни про что. Но бабы, бывшие в чайной, заголосили. На шум выско-чила с кухни буфетчица, оттолкнула Ефима, подняла и утащила меня. Отлежавшись и кое-как обмыв кровь, побрёл домой. Несколько дней провалялся на сеновале, всё тело болело, долго не сходили синяки и ссадины. Но ещё больнее было от обиды и бес-силия что-либо сделать.

Потом я уехал из родных мест, работал, служил в армии. Всё как-то забылось.

И вот он передо мной – Ефим Захаров. Он не мог, не должен забыть, как избил ни в чём неповинного мальчонку.

Улетучились его былая наглость, надменный и грозный вид. Он обрюзг, обмяк, весь как-то усох. И он увидел, что перед ним не прежний подросток, а молодой, сильный солдат, с увесистой ра-биновой палкой в руках. А вокруг ни души. И пришла пора платить долги... Он всё понял и тяжело рухнул на колени, закрыв руками голову и ожидая справедливого возмездия.

Но вряд ли я думал, как он. Мне было горько, тяжело, обидно, мне просто не хотелось, чтобы воспоминания о моём детстве яв-лялись именно в таком виде.

Ефим же всё измерял на свой манер и ждал удара...

Оцепенение моё прошло, гнев утих. Бить старика, хотя он и

был в прошлом преступником передо мной, я, конечно, не мог. Но и просто так уходить было трудно. Собрав всю свою волю, резко шагнул в сторону и, натыкаясь на кусты, бросился к реке. По-том выбрался на дорогу и, не оглядываясь, ушёл. Но победа над собой была нелёгкой. Впереди оказалась деревня. У крайнего дома достал из колодца бадейку и долго пил холодную воду, пока не заняли зубы.

Время отбило большой перегон. Ефим под старость лет сно-ва попал в тюрьму за хулиганство: кого-то по пьяной лавочке ткнул ножом. Да так и не вернулся больше оттуда.

Пережитое отодвигается, забывается. Как-то летом, по пути в луга, куда мы ехали на уборку сена из города – в порядке шеф-ской помощи, как было принято тогда говорить, остановились как раз на том бугорке, где мы безмолвно разговаривали с Ефимом в последний раз. И я неожиданно, как наяву, увидел его стоящим на коленях, с поднятыми вверх руками – этого грозного дебошира и наглого хулигана, который за свою жизнь обидел десятки людей. Но в конце концов он стоял на коленях, униженный собствен-ным бессильем, и затравленно смотрел, ожидая кары.

Не всегда мы будем сильны и горды. Каждому придёт своё...

В Домрачёнках

Тем же летом меня пригласили в Домрачёнки в гости к деду Зоту Андреевичу. Он у нас в Малых Мясниковых не раз бывал. А там у него намечалось большое событие – выходила замуж млад-шая дочь Домрачевых Евдокия, сестра моей матери. Её все звали просто Кия. После окончания Кировского фельдшерско-акушер-ского училища она работала в госпитале (их в войну в Кирове мно-го открыли) и познакомилась с офицером – в синих лётных по-тонах. Он долго лежал в госпитале после тяжёлого ранения. И вот они с Кией подружились и решили пожениться. Звали его Христо-фор Алексеевич Фанин. Замечательный человек, весёлый, остро-умный, байнист, художник, рыбак, охотник. Мастер на все руки. После выздоровления Христофор остался служить в армии – сначала в Казани, где преподавал в КВАТУ, потом несколько лет в Саратове, и по возвращении в Казань прожил там оставшуюся

жизнь. У них выросли двое детей — сын Андрей, дочь Надя. Андрюшка стал художником, живёт в Казани, а Надя после окончания института уехала в Киев, вышла замуж и там, как жегся, осела. Но это уже другая история.

Так вот о свадьбе. Я увидел необычное действо, которое раньше не представлял. Гуляли два два с разными рядами, переодеваниями, шутками, спенками. Гости — все люди чужие, но, наверное, родственники деда Зота. Молодые выглядели прекрасно.

Там я встретился со своей матерью Клавдией Зотовной. Она была с мужем Фёдором, высоким здоровым детинной. Говорили, он возил на легкой машине директора военного завода. Потом погиб, попал под поезд. Ещё гость зубной врач в позолоченном пенсне. Они, будучи изрядно выпивши, что-то с Фёдором не поделили, и рабочий человек выразил своё презрение к интеллигентии таким ударом кулака, что стоматолог растянулся на полу в старой избе, а его очки женщины долго искали. Скандалу не дали разразиться. «Петухов» быстро успокоили.

Мать увела меня на полати, и мы долго говорили с ней. Она распришивала, как я живу, учусь, как здоровые. Рассказала мне о том, что у неё своя семья. Есть сын Борька — ему два года. Живут в маленькой однокомнатной квартире на улице Кутшо. Зимой там холодно. Она пока не работает — водится с ребёнком. Я тоже про свою жизнь говорил, кое-как, по-детски. Мол, у нас с дедом всё хорошо, даже корову держим. Чувствовал себя неудобно, не зная, о чём ещё говорить.

Муж Киш — сестры матери — Христофор Алексеевич Фомин

Потом я вырос, стал взрослым, обзавёлся семьёй. Помню, в 60-х годах мы жили в Советске, мать навещала к нам, долго гостила и радовалась, что у нас всё в порядке — тогда я работал редактором межрайонной газеты. Появилась уже её первая внучка Лена. Потом вторая — Любчик. Бывало, нам с женой Елизаветой Александровной позарез надо куда-то уехать (посещали Москву, отдыхали на курортах), и надежнее «домовницы», чем мать, у нас не было.

Я никогда не упрекал мать, что вырос без неё, считай, самостоятельно. Она не раз объясняла, что часто навещала меня, ещё совсем маленького. И видела, как обо мне заботятся бабушка и Лёля, да и дед тоже. Но я её просто не запомнил. Потом война всё перевернула. Мы остались с дедом вдвоём. Она не хотела встречаться с ним и потому в эти годы у нас не бывала. Такая вот житейская история получилась.

В Домрачёнках у деда Зота Андреевича я бывал часто. С восьмого по десятый класс учился в Мурыгино. И короткими зимними днями, особенно после второй смены, домой, в Медяны, идти было страшновато. Оставался ночевать у деда Зота. Он запомнился мне постоянно работающим в колхозной кузнице — благо, она находилась за его огородом. Зот Андреевич по железу всё умел — подковать лошадей, отремонтировать сани, телеги, боронь, плуги и т.д. К нему шли и за помощью, если что сломалось — сковать наглядку, сделать навесы и многое другое. Народ уважал Зота Андреевича. Он был седой, могучий и объёмный. Старался для колхоза. Бабушка Анна Васильевна хлопотала по дому: держали корову, поросёнка, кур — за всеми нужен уход. Зот Андреевич ещё слыл умелым мясником. Его везде приглашали забивать скот, и он это делал мастерски.

Моя мать Домрачева Клавдия Зотовна

Много лет спустя, когда я пришёл из армии и стал работать в редакции районной газеты в посёлке Мурытино, мне пришлось около года жить у деда Зота в Домрачёнках. И вот как-то поздней осенью, когда уже застыгло, в выходной дед позвал меня с собой. Мы пошли на колхозную ферму, где надо было забить годовалого бычка.

— Поможешь мне, — сказал Зот Андреевич.

Я подумал: чем я помогу, если за свою жизнь только петуха однажды зарубил. А тут совсем другое.

На ферме скорее не бычок, а уже почти бык стоял в отдельной загородке и мирно жевал корм.

— Где же верёвки, чтобы связать ему ноги, — спросил я. — Да и вдвоём нам с быком не справиться.

В ответ дед Зот только усмехнулся. Потом он достал нож с затуплённым и остро заточенным концом, крепко обхватил его за рукоять, спрятал лезвие в рукав телогрейки. В проходе подослали свежей соломой, телятница вывела быка из загорадка. Дед подошёл к нему спереди, дал кусочек хлеба с солью, перед быком стояло ведёрко с поилком. Он наклонил голову и попил из него. Дед левой рукой стал ему чесать шею сверху за рогами. Быку это нравилось, он стоял спокойно. В какой-то момент кузнец с силой ударил быка ножом «в клён» — в шею за рогами. У быка подогнулись передние

*Дед Зот Андреевич
и бабушка Анна Васильевна*

ноги, и он упал на колени. Дед тут же повалил его на бок, схватил другой — острый и длинный нож и перерезал быку шею. Когда вытекла кровь, подвесил животное на верёвочных блоках к перекалдине метра на полтора от земли. И быстро, мастерски снял шкуру, разрезал тушу спереди, удалил потроха. Я только бегал и подносил то тазы, то воду для мытья рук, то полотенце. И никаких помощников, чтобы повалить и держать скотину, деду Зоту не требовалось. Сначала он оглушил быка, а потом спокойно зарезал его и обделал тушу по всем правилам. Пришёл ветеринар, осмотрел свежее мясо, внутренности и поставил на заднюю ногу клеймо.

У себя дома, когда поросёнок вырастал примерно до центнера весом, дед Зот в начале зимы забивал его, снимал шкуру и потом обрезал пластинами сало, солил его как-то по своему особому рецепту. Набивал им кадки, сверху укладывал груз. Солёное сало хранилось долго и не портилось, было мягким и на удивление свежим, вкусным. Дед Зот ел его всегда сырым. Удивительный привкус и аромат появлялся у этой солонины. А уж лучше закуски и не придумаешь. Мужики иногда вечером собирались в кузнице и отмечали какие-то события. У Зота Андреевича вырабатывались свои правила: он мог выпить трижды, не важно из чего — рюмки

*В деревне Домрачёнки (слева направо): бабушка Анна Васильевна,
Света — дочь Ивана Зотова, Ксения Андреевна — жена моего
дяди Вани, мать Светы, и я — впряг из М. Масниковых*

или стакана. Потом крепко тряс себя за нос, показывая этим, что в выпивке ставит точку. И шёл домой отдышаться. Причём летом или зимой – независимо – спал в амбаре под пологом, на перине, делясь тулупом.

Он умер от воспаления лёгких в возрасте 87 лет. Бабушка скончалась месяцем раньше. Вместе они прожили долгую жизнь, воспитали четверых детей. Старшей являлась моя мать. Затем Иван Зотович. Его запомнил, когда он приходил к нам в Медяны после службы в течение пяти лет стрелком в погранотряде на границе: заторельный, сильный, голубоглазый, на голове зеленая фуражка со звёздочкой. Моя бабушка Ефросинья Ивановна вывела его в жёны из деревни Падеры боевую девушку Ксению Андреевну – работицу, грамотную. Не успел жениться, как началась война. Уже 7 июля 1941 года Иван Зотович ушёл на фронт, а в начале 1942 года

*Этот самый Витка в юности, а теперь Виталио Ивановичу Домрачеву уже семидесять, он на заслуженном отдыхе после многолетних трудов на бумажной фабрике «Красный курсант» (ныне «Эпикон»).
Последняя должность – инженер-электрик цеха № 2*

у него родился сын Витка, уже после войны, в 1947 году, – дочь Светлана. Иван Зотович геройски воевал с фашистами – сначала шофёром, потом разведчиком, а в конце – шофёром-механиком в звании сержанта. Награждён 6 медалями, две из них «За отвагу». Всю войну на передовой, и как-то упледел. Только ноги у него сильно болели. И проработал до пенсии водителем в Медянском райкоме партии – как примерный, добросовестный труженик.

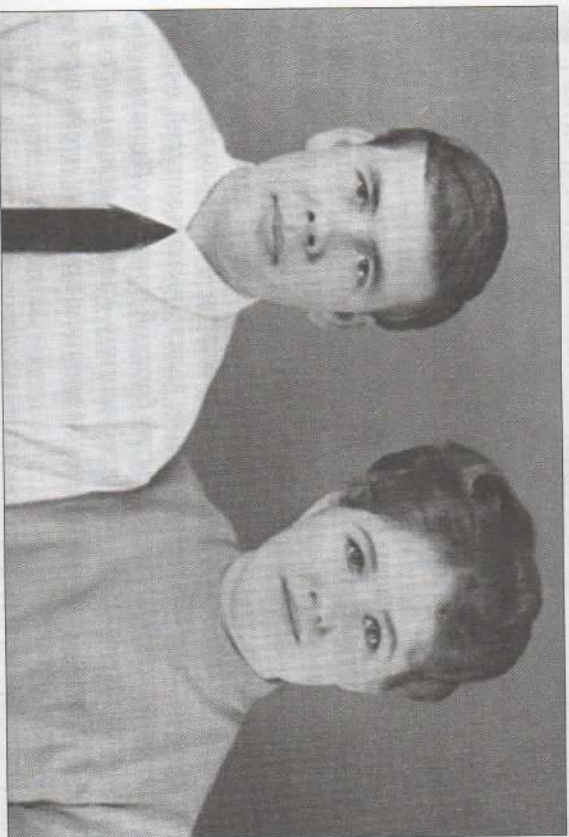
Ещё был у меня дядя – Виктор Зотович, представитель рабочего класса, слесарь и электро-сварщик. На войну попал уже в конце, служил в необычном подразделении – на аэросанях. Его супруга Нина Николаевна много лет трудилась лаборантом в Зоональном институте, была одним из сотрудников у известного учёного-садовода Антона Николае-

вича Рудницкого. Виктор Зотович и Нина Николаевна вырастили и выучили, дали высшее образование двум своим сыновьям – Сергею и Юрию. К сожалению, никого уже из них нет в живых.

Младшая дочь из семейства Домрачевых Евдокия Зотовна, ко всеобщему удивлению, уже на склоне лет развелась с Христофоровом Алексеевичем. Кажется, она вторично замуж не вышла, а Христофор нашёл себе вторую семью. Пути человеческие непредсказуемы.

У меня сохранился снимок Сергея Домрачева (справа) с Андреем – сыном Христофора Алексеевича

Мой брат Борис Фёдорович со своей женой Тамарой Сергеевной в молодости

Не могу не сказать о своём брате Борисе – родном по матери. С его семьёй она прожила всю жизнь. Он высоко в науку не пошел. Окончил ремесленное училище, стал умелым токарем, потом заочно олодел техникум, поднялся на ступеньку мастера и весь производственный стаж у него проходил на одном предприятии – заводе имени Денсе. Уже перед пенсией был признан инвалидом. Постепенно болезни прогрессировали, и в возрасте 66 лет Бориса не стало. Это был добрый, весёлый человек, с открытой душой, большой шутник. В общем, хороший рабочий парень.

Про него можно написать целый том о его различных приключениях, развытряхах, да и полезных делах тоже. И все знавшие его вспоминают Бориса добрым словом. У него остались жена Тамара и дочь Натяша, которая имеет свою семью, а внучка уже сама работает.

Сильно я отвлекся от страны Медянина. Но Домрачёнки – это тоже часть моей биографии, моих корней. Сейчас уже многих близких не стало. Всё куда-то уходит, растворяется. Вот и моя мать – один десяток лет работала санитаркой в больнице завода Денсе – до 80-летнего возраста. А умерла она в 85 лет, пролежав больше года парализованной.

Среди людей

Когда вспоминаешь о прожитом, оглядываясь назад, в памяти всплывают прежде всего люди, которые чем-то запомнились, казались необычными, интересными. Именно этим ценна человеческая память – кладовая истории каждого. Из этих историй складывается биография поколения, а в обобщённом виде – характеристика нации. Из отдельных камушков-самоцветов – широкая картина.

Я никогда не вёл дневников, не делал никаких записей, считая это предававшейся по наследству барской привычкой привилегированного класса. Рабочему, крестьянину – не до дневников, считал я. Но сейчас с запоздалым сожалением признаю, что неверны мои рассуждения.

Если бы делать хоть какие-то пометки, заносить на бумагу памятные события – могло состояться довольно занимательное и поучительное повествование. К сожалению, что пролетело, того

не вернуть. Не случайно великий демократ XIX века, мыслитель, революционер Николай Гаврилович Чернышевский примерно так характеризовал, что такое счастье. Это – рыжая женщина, яркая, прекрасная, летящая по ветру с распушенными волосами. Когда она подлетает к вам, её можно ухватить за гриву, а чуть минула дальше – уже никогда не поймать. Не ручаюсь за точность выражения, но смысл именно такой.

Так и здесь. Приходится напрягать память, выуживать из неё что-то яркое, оставившее след. Но ведь за прошедшее время впечатления деформируются, детали стираются, и нельзя быть уверенным, что всё прошлое и всегда воспроизводится с безукоризненной точностью. Даже у краеведов и историков. Последние, особенно современные, решат пристратим и субъективностью в оценках, подстраиваясь под политическую погоду.

Да и одни и те же события их участники передают по-разному. Возьмите обычное уличное транспортное происшествие. Его наглядно, скажем, 5 человек. Попросите их описать событие, и каждый сделает это по-своему. Это тоже свойство человеческого восприятия действительности, которая субъективно отражается в сознании людей.

Подобно тому мои заметки и оценки субъективны. И так, мне ещё видятся лица тех, с которыми был знаком, они какое-то время жили у нас. В военные годы по зимам квартировал рабочий мастерских МТС – Михаил из деревни Ременьщина, она от Медян не менее 10 километров. Сейчас, видимо, как и сотен других, её нет и в помине. Остались тополя на усадьбах да старые заброшенные постройки. А тогда эта деревня тянулась километра на полтора. Там работала начальная школа. В семилетнюю ребята ходили в село Горихово.

Михаил, кажется, воевал и торел в танке. У него на шее виднелся рубцы от ожогов. Специальность у Михаила – медник. То есть он ремонтировал радиаторы тракторов, автомобилей.

Почему медник? Потому что радиаторы состояли из медных трубок. Их надо проверять и неисправные паять, чтобы охлаждающая двитатель вода не вытекала.

Михаил по вечерам сидел у топящейся печки на втором этаже и рассказывал деду про свои злоключения на фронте. Перед тем, как отдыхать, долго мыл руки керосином, потом тёплой водой с

каким-то порошком (вроде соды) и всё равно казался весь каким-то чёрным. Он приносил нам в бутылках керосин для коптилки, за что дед его благодарил.

Обычно летом на несколько дней, а то и недель заивлялся бродячий портной. Забыл его имя, но сам он хорошо запомнился. К нему сразу шли «заказчики» — кому переделать одежду, кому сделать из старого пальто детское пальтишко. Он и шубейки из овчин мастерил. Целыми днями усердно сидел за низким столиком и упорно трудился иглой, ножницами. Просил меня раскалить ему утюг. Утюги тогда были просты — в них накладывали из пачки горячие угли, которые там продолжали гореть. И можно гладить любую ткань, пока есть жар.

Когда заказы кончались, портной, у которого любимым считалось слово «яскорь», обычно пировал дня два и со своим скаблом отпразднётся дальше.

Уже после войны квартировал у нас на втором этаже кинемеханик Ситчихин (забыл его имя). Чувствовалось, что он ранее вращался в интеллигентных кругах, много знал о кинокартинах, понимал в музыке — играл на пианино в детском доме. Он курил папирсы, постоянно и надсадно каплял. Немолодой, волосы с проседью, невысокого роста, с сизым носом, который выдавал его пристрастие к горячительным напиткам. Видимо, по этой причине он уехал из большого города, где у него, может быть, жила жена. Иногда получал письма, читая их, сильно переживал, даже слёзы на глазах выступали. Те, кто ему писал, называли ласково «Боб». Попивал втихую один, будучи дома. Изредка выбрасывал пустые бутылки из-под красного вина. В детдоме, кроме зарплат, его поставили на довольствие — то есть кормили наравне с воспитанниками. Кинокартины в клубе он крутил раз в неделю. Меня пропускать в кино без билета, чему я радовался, но никому говорить про это было нельзя, даже деду.

Попасть в кино страшно хотелось, но дед почему-то не разрешил туда ходить, тем более без билета, чтобы меня пропустили в зал наш квартирант. Не знаю, может быть, у них отношения испортились, хотя деньги за квартиру музыкант платил исправно. С дедом они по-приятельски никогда не беседовали. Дед, очевидно, замечал, что Ситчихин поихоньку пил, и за это его презирал.

Так вот я блестяще решил задачу негелгальных походов в кино.

Прежде всего с согласия квартиранта перебрался на лето спать наверх, на втором этаже. (Дед предполагался на первом, на широкой лавке у печки). На второй этаж дома вела крашеная деревянная лестница. И, войдя наверх, можно было закрыть за собой лёгкую запалню. И не слышно, что происходит внизу.

К вечеру перед кино к окну второго этажа, которое выходило в отгород, я приставлял наклонно и надёжно упирав в стену две крепкие жерди. Часов в восемь вечера дед обычно ложился отдыхать. Я тоже укладывался на полу, предварительно опустив запалню. Потом вставал, подглядывал под одеяло одежонки. Посмотреть — вроде человек лежит. Тихонько открывал створки окна, выходящего к черёмухе, вылезал, спускался по жердям до того стого сучка, а там — на землю. Потом окно осторожно закрывал палкой снаружи. Посмотрев кино, во весь дух мчался домой, взбирался по жердям наверх, пролезал в окно и быстро засыпал счастливым сном. А рано утром жерди ставил на место, к стене амбара. Эти тайные походы повторялись неоднократно, но я так ни разу не был разоблачён. Думаю, дед всё-таки догадывался об этом, но делал вид, что ничего не знает.

К Ситчихину приходили иногда из детдома товарищи по работе — завхоз, ещё какой-то мужик. Они выпивали, но немного. И всё спрашивали его, почему не женится. Ведь белё и рубашки самому приходится стирать. Ситчихин отшучивался и переводил разговор

Сталинский послевоенный рубль. Обмен старых денег производился 10 : 1. Тем самым ликвидировался излишек денег в обращении и повышалась покупательная способность рубля. Кажется, 1 рубль стоил намного больше доллара

на погоду. Вскоре его направили в другое место, и он уехал со своим небольшим чemoданом.

А ещё интереснее вспомнить, когда у нас жил участковый милиционер Сыкчин, звали его Фёдор. Запомнилась его молодая жена Аня. В отряде стояла умная, красивая, спокойная лошадь. В углу лежала сбура. Летом по округе — а это весь Медянский сельсовет — Фёдор ездил в седле, с револьвером в кобуре и плёткой. Зимой — на санках. Как раз в конце 1947 года происходил обмен довоенных денег на купюры нового образца. И Сыкчин возил по деревням кассира Госбанка с мешками денег. Ночевать же они неизменно возвращались к нам.

Обычно весной, когда в сесе на Троицу у молодёжи происходили драки, Фёдор разгонял их: верхом на коне врезался в гущу, выхватывая зачинщиков и волочил на груду кирпичей к церкви. Парни оучухивались и уходили по домам. Кто не понимал, тех милиционер вразумлял плёткой. Но ни на кого не оставлял протокол — тогда бы драчуны попали за решётку. Поэтому люди уважали Сыкчина, он был справедлив и не вреден, хотя порядок любил.

Зимой же, бывало, домой его, крепко спящего, привозила умница лошадь. Она терпеливо ждала ночью у ворот, когда её распрягут и напоют, заведут в отряд.

Школьные годы

Самые приятные, милые сердцу дни, несмотря на суровое и голодное житьё-бытьё, были те, что проходили в школе. Наши добрые учителя казались иногда очень строгими, но они при этом оставались внимательными к нам, заботливыми. Хотя и им жилось не лучше нашего. Пока мы учились первые годы — знали одну учительницу, я уже её упомянул — Клавдию Михайловну. Поистине проявила о нас материнскую заботу. Как-то зимой, кажется, во втором классе, в школе было холодно из-за сильных морозов. Печки нагрелись слабо — дрова заготовили и привезли сырые. У меня в резиновых сапогах постоянно мёрзали ноги. Сидели на уроках в верхней одежке, дули на пальцы перед тем, как писать. Помните, я посирил и швыркал носом. Клавдия Михайловна повела меня отогревать в учительскую — там вроде теплее. Помогла снять

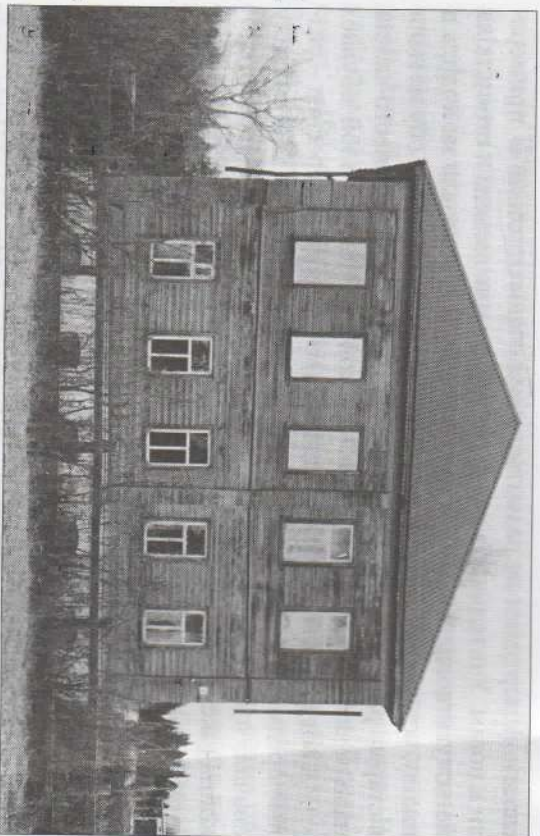
сапоги. А портянки не разматываются — они отпотели и примерзли к ногам. Учительница долго растирала мне пальцы и стопу, пока не почувствовал их сам. Отпустила домой и наказала не ходить в школу, если станет холоднее. Но выход дома нашли — обули меня в старые разбитые, но мягкие валенки, а поверх них вместо калош надели лапти. И две зимы ходил в такой удобной и тёплой обуви.

А вот с пятого класса учиться стало намного интереснее — разные предметы и разные учителя. Светлая им память! Математику сначала преподавала Пучинина, забыл, как её звали. Высокая, спокойная женщина. Её сын Алик учился в нашем классе. И постоянно что-нибудь вытворял. В общем, его часто наказывали, но он вовлекал и нас в свои шутки.

В шестом-седьмом классе алгебре, геометрии и физике нас сначала учил Ефимов, демобилизованный офицер в гимназёрке, перехваченной широким ремнём. Он материал знал на память и требовал того же от нас. Иногда в конце урока, когда оставалось минут пять, увлечённо говорил о Пушкине и наизусть читал его стихи. Потом Ефимов куда-то уехал. У нас появился новый учитель математики, тоже с войны. Приехал он с женой — местной учительницей начальных классов. На фронте она воевала связисткой. Там и познакомилась с Михаилом Дмитриевичем Сагжая. Ради любимой женщины не вернулся он в солдечную Грузию. Так и прожил всю жизнь в сесе Медяны, до пенсии работал в школе.

Сагжая, как офицер-артиллерист, математику знал хорошо, и с нас спрашивал. Если отвечающий путался, он отпирывал его на место и сердито говорил: «Болтун, понимаешь». Но двойки не ставил, заставлял после уроков учить материал основательно.

На уроки ботаники приходила в яркой розовой кофточке и красивой чёрной юбке очень строгая Нина Владимировна Татаурова, историко и географию преподавала директор школы Любовь Павловна Монсеева, яркая рыжая женщина, а немецкий — Юлия Ивановна Логолева с мужской причёской и седыми волосами, да ещё при этом курила. Но слушали её очень внимательно. Класс был небольшой, ребята все из окрестных деревень, ещё занимались детдомовские. Они держались как-то отдалённо, потом у них прямо там стали учить, потому как в старой деревянной школе места просто не хватало.

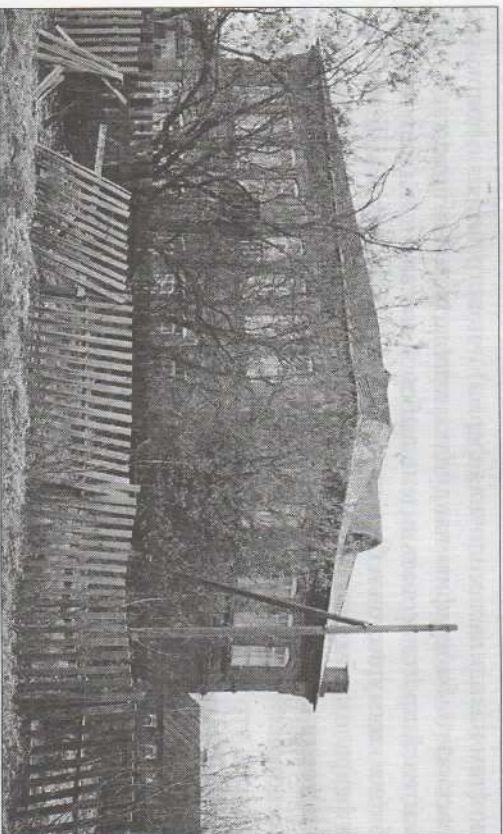
*Дом в Медянах, в котором тогда жили учителя.
Деревянная школа, что стояла напротив, не сохранилась.
Да и это здание сегодня не школьное*

В те годы родительских собраний в школе не проводили, учителя сами ходили по деревням, смотрели, как живут дети, беседовали с родителями, советовали, на что обратить внимание в воспитании ребёнка. Да и мы не по годам чувствовали себя сознательными и ответственными не только за учёбу, но и за дела домашние. Годов, холодов и другие лишения воспитывали сильнее всяких слов.

Но возраст всё равно давал знать о себе и проявлялся в разных шалостях и проказах. Тот же Алик Пучинин однажды решил напугать учительницу Нину Владимировну за то, что она ему поставила двойку по ботанике. Его отец до войны занимался охотой — у него осталось ружьё. И Алик уже всюю ходил по лесам, стрелял зайчиков, весной — тетеревов. Благо тогда никто не следил за этим, почему подросток погрозится ружьём. Естественно, у него имелся патронья, порох и другие припасы. Всё это приобредали в сельском заготовительном ларьке при сдаче шкурки. Так вот Пучинин принёс в школу несколько капсюлей. Взял капсюлярские кнопки и хлебным мякишем прилепил капсюли к ним, острём к внутренней стороне. Затем подложил капсюли под ножки учи-

тельской табуретки (стояла около учительского стола). Всё это он подготовил на перемене перед уроком ботаники. Сразу после звонка Нина Владимировна энергично вошла в класс и, положив на стол журнал, с размаху села на табуретку. Кнопки надавили на капсюли и те оглушительно хлопнули — тот же выстрел. Учительница, конечно, очень испугалась, вскочила и вся красная выглядела из класса. Урок был сорван.

Гроза явилась в образе директора школы — Любови Павловны. Поскольку это был последний урок, девочек она отпустила домой, а нас — шестерых парнишек оставила на 4 часа стоять в классе после уроков: пока не создамся, кто устроил хулиганство. Сама же села за стол и начала проверять тетради. Мы уныло стояли за своими партами и утробно молчали. Проверив тетради, директориса ушла по своим делам, а нас, чтобы не разбежались, заперла снарядки на замок. Алик сразу же развалился на парте и сказал: «Что вы стоите? Ложитесь и отдыхайте». Мы стали его просить, чтобы он признался в своей злой шутке. На что он ответил: «Никогда». Потому что Любовь Павловна пригрозила исключением из школы виновнику происшествия, если он будет найден.

*В этом здании в селе Медяны в войну и после войны располагался детский дом. Потом, до последнего времени — школа.
Сейчас занятия ведутся в другом здании*

Поскольку выйти из класса нам было нельзя и в туалет сидеть не хотелось, то пришлось мочиться в ведро, которое мы случайно обнаружили за печкой. В общем, когда директор вернулась к нам, в классе чем только не пахло. Рассерженная Любовь Павловна громко сказала: «Вон отсюда! И завтра в школу без родителей не приходите!». Мы ринулись по домам.

Не знаю, как у других, а у меня дед в школу ходил. Вернувшись мрачный и заявлял: «Больше мне там делать нечего. Если ещё раз позовут за твои проделки, из дому выгоню». Я пытался объяснить, что не виноват, но дед слушать не стал. И я понял, что он не шутит. Надо сказать, за следующие школьные годы поводов для неприятных разговоров я больше ни разу не давал.

В 1947-м году, в начале февраля, впервые после войны состоялись выборы в Верховный Совет РСФСР. Их народ встретил с большим подъёмом и воодушевлением, как настоящий праздник. Помню, что наш район входил в избирательный округ, где баллотировался кандидатом в депутаты Светлаков Николай Иванович, председатель облисполкома. И вот нам, молодым, будущим комсомольцам, дали важное поручение – проводить в деревнях агитацию за выдвижение кандидата. Мне выпало сходить в деревню Сычёво (там находилась молочная ферма) и повстречаться с дворками, рассказать биографию кандидата, призвать животноводов и всех жителей проголосовать в день выборов за кандидата нерушимого блока коммунистов и беспартийных Н.И. Светлакова. Дело было в феврале, днём мы сидели на уроках. Ближе к вечеру нам раздали листовки с портретом кандидата и его биографией, отпечатанные на хорошей белой бумаге двумя красками – чёрной и красной. Наказали, что читать текст на собрании не нужно. Лучше всё рассказать своими словами. И мы все отправились на задание.

Деревня Сычёво находилась километрах в трёх-четырёх от Медян. Всё бы ничего, да дорога туда пролегла через кладбище. Пока я дошёл до фермы, уже совсем стемнело. В темноте собралось человек двадцать – дворки, конюх, возчик, бригадир и просто колхозники. Они серьёзно восприняли моё выступление и даже похвалили, что всё хорошо рассказал. Потом были вопросы. Я записал их и пообещал передать в сельсовет. Собрание продолжалось больше часа. Три экземпляра листовок мы развесили с бригадиром на ферме, в конюшнике и на доме, где он жил.

Теперь надо возвращаться домой в ночной темноте – одному и через кладбище. Дорогу переметало, но я мчался, не чуя ног. Вот и мрачный, большой лес. Деревья шумят на ветру и за каждым, кажется, притаилась опасность. В середине леса началось кладбище. Я прибавил скорости, озираюсь по сторонам и назад. Хотя бы кто поехал навстречу – никого. А вдруг нападут волки? Жуткие картины возникали в моём сознании, и я бежал словно от потони. Наконец дорога расширилась, и я выскочил на большак, в полкилометре от Медян. Там дома весело светились огоньками. Никто на меня не нагнал и ничего не померещилось. Да, у страха глаза велики. Прибежав домой, я с гордостью рассказал деду о своём поручении. Дед похвалил меня и сказал про кладбище: «Надо бояться плохих живых людей, а не покойных».

В сельском классе мы стали взрослее и серьёзнее. Не до баговства уже – приближался выпуск из школы. В те времена весенние переводные экзамены ученики сдавали ежегодно, начиная с четвёртого класса, а за семилетку были выпускные. Нам уже исполнилось по 14 лет и в школу приезжала девушка из райкома ВЛКСМ. После бесед и знакомства с Уставом почти все в классе написали заявления о вступлении в комсомол. Поскольку ранее комсомольской организации в школе не было, то принимали нас в члены ВЛКСМ сразу на бюро райкома в Мурыгино, куда мы организованно ходили пешком за семь с лишним километров. А рекомендации нам давали учителя – члены партии. Конечно, троечников не рекомендовали. Секретарём комсомольской организации избрали меня. Нам вручили комсомольские билеты, мы платили взносы – то ли по 20, то ли по 50 копеек в месяц. Регулярно проводились собрания, где обсуждали школьные и другие вопросы.

И вот экзамены в школе сданы. Получено свидетельство об окончании семилетки – в нём две четвёрки, кажется, по рисованию (нет у меня таких способностей) и по физкультуре (из-за слабости здоровья). В общем, остальные предметы на «отлично». Что делать дальше? Поговорили с дедом, и я решил учиться на фельдшера. Другое нас в селе он очень авторитетный и уважаемый человек. Другое дело – лекарств нет. Но его внимание, помощь, отношения с людьми достойны подражания. И поехал я в Киров, сдать заявление, свидетельство об образовании и три фото 3х4 см в приёмную комиссию. Мне сразу сказали, что с такими оценками принимают на

Здание на улице Школьной в посёлке Мурыгино, где располагалась средняя школа (современный снимок)

учёбу без вступительных экзаменов. Вернувшись домой, обрадовался деда – вот выучусь и стану его лечить. В конце августа получили что-то вроде студенческой книжки, место в деревянном одноэтажном общежитии, где-то за теперешним Октябрьским проспектом. Тут было картофельное поле, а дальше деревня. В комнате четверо парней. Железная кровать и тумбочка. Туалет на улице, умывальники в коридоре. Но в общем жить можно. Начались занятия, причём не в одном классе. Они менялись в зависимости от предмета и назывались кабинетами.

Внимательно слушал преподавателей, записывал содержание уроков в тетради, чтобы не забыть, не пропустить. Всё новое, интересное. Недели через три занятия по анатомии человеческого тела проходило в незнакомом кабинете со стеклянными шкафами. Преподавательница начала общий обзор предмета, и лаборантка на каждый стол (мы сидели по три человека) поставила закрытые тонкие стаканы из слюды со светлой жидкостью (может, спирт?) и в каждом лежал человеческий палец. Я глянул и обомлел. Сдёржив отвращение, необъяснимый страх, еле досидел до перемены и бросился в приёмную директора. Там попросил листок бумаги и написал заявление с просьбой об исключении меня из числа учащихся. Директор долго беседовал со мной, уговаривал, что ничего страшного тут нет. Побываешь, мол, в анатомичке и успокоишься. Но я был настойчив. Не могу смотреть на покойников. Больше не приду на занятия. Вот мои доводы. На следующий день с большим сожалением, но мне свидетельство об окончании семилетки всё-таки отдали. И я, вернувшись домой, на другой же день побежал в посёлок Мурыгино, попал на приём к директору средней школы Ивану Павловичу Симахину, и тот, выслушав мою историю, отвёл меня в 8-А класс. Так я оказался в прекрасной средней школе, у замечательных преподавателей и наставников, которых вспоминаю всю жизнь.

...Итак, я в кабинете директора Мурыгинской средней школы Ивана Павловича Симахина. Конец сентября 1948 года. Несмотря на паническое настроение («примут – не примут») и страхи, мне директор сразу как-то понравился, по душе пришёлся: строгий, мужественный, уверенный в себе. И внешний вид внушительный – ничего не скажешь. Гладко зачёсанные назад волосы, воловье, даже несколько свирепое лицо, приятный голос, внимательный взгляд

серых глаз из-под кустистых бровей. Одет по тогдашней моде. Темно-синий габардиновый пиджак, рубашка с галстуком, отличные галфе, начипенные хромовые сапоги. Весь какой-то ладный, подтянутый. На груди орденские колодки – значит, воевал. Несмотря на внешнюю суровость, Иван Павлович оказался добрым человеком. Он по-отечески отнёсся ко мне, принял в школу и наказал хорошо учиться. И потом внимательно следил за моей учёбой. А последние два года в 9-м и 10-м классах он, знал, что у меня нет родителей, только дед, очень помог мне. Установив в кабинетах биологии и физики ставки лаборантов, Иван Павлович зачислил меня на работу в биологический кабинет. Это, конечно, дополнительная и хлопотная нагрузка. Я старался всё выполнять, хотя и приходилось порой трудно. Но если учесть, что мы на двоих с дедом получали пенсию 250 рублей в месяц, а за лаборантские труды мне в школе платили по 150 рублей, то это была очень весомая поддержка.

Вспоминается эпизод, который относится к осени 1949 года. Где-то в октябре из канцелярии во время перемены пришла в класс работница и спрашивает Мясникова, то есть меня. Все удивлённо посмотрели: что-то он наговорил. А женщина сказала: тебя вызывают в бухгалтерию. Если в учительскую – стало бы понятно. А тут в бухгалтерию. Спросил: где она? Оказалась рядом с кабинетом директора. Робко войдя, я поздоровался. Одна из работниц подождала меня и заставила расписаться в ведомости. Потом протянула мне деньги. Я стоял и ничего не ображал.

– Бери. Твоя месячная зарплата за работу в кабинете биологии, – сказала кассир.

– Спасибо вам. Я постараюсь.

Женщины рассмеелись.

Едва досидев до конца уроков, ринулся домой, как на крыльях. У меня никогда не бывало в руках денег, разве что молоко на рынке продавал – по 3 рубля за четверть, так это общие, хозяйственные, домашние. А тут лично мне выдали. Отошёл за угол и пересчитал. От волнения даже покраснел. Вот, думаю, обрадую деда. Поколебавшись, решил пойти в орсовский магазин и купить гостинца. Самого вкусного. В магазине оказалось несколько женщин – все что-то покупали. А на полке у стены лежали такие ароматные, аппетитные буханки чёрного, настоящего гордского, без примесей,

хлеба. Они тогда весили строго по два килограмма. И стояли недорого, хоть и по коммерческой цене. Отдал пятачку, получил сдачу, а хлеб положил в сумку с книгами. Закинул её на спину. Но, не прошагав и километра, сел отдохнуть у реки Медянки, в стороне на берегу. Поначалу трогать хлеб не хотел – донесу целым домой. Но, понюхав, не выдержал, отломил кусок и тут же проглотил его. Двинулся дальше. У деревни Лучинята – очередной привал. От буханки осталась половина, а голод ещё чувствуется.

Были и дальше ещё остановки в пути. В общем, хлеба домой я не принёс. Вручил деду деньги – свой первый в жизни заработок. Потом заревел по-настоящему и рассказал про хлеб. Вместо того, чтобы отругать меня, дед долго над этим смеялся.

– Видишь, как вкусно то, что заработано трудом.

Со времени окончания школы прошло 60 лет, но большинство учителей видятся как живые. По русскому языку и литературе с нами занималась Тамара Ивановна Кузнецова, невьясская, черноглазая, энергичная. Она интересно, образно вела уроки и требовала от каждого, чтобы он имел своё мнение, свою оценку писателей и произведений, пусть она и не совпадала бы с принятыми в учебнике положениями. На этой почве у меня с Тамарой Ивановной случались споры по Маяковскому, которому я советовал учиться у Пушкина красоте и лёгкости слога. Позднее Кузнецову поставили заведующей РОНО, где она успешно трудилась.

Ивана Павловича как преподавателя математики тоже любил за чёткость изложения и справедливость оценок. Он был строг и требователен. Но после того, как я наизусть рассказал все формулы по геометрии с применением тригонометрии, Иван Павлович стал ко мне благоволить и даже «советовался» на уроках (мне нравилось это внимание). Вообще математика для меня стала любимым предметом, но жизненные обстоятельства так сложились, что пришлось пойти по другому пути. А жаль.

Удивительно, но факт, что ребята уважали и чтили учительницу немецкого языка Софью Дмитриевну. Очень интеллигентная и строгая. Её дочь училась в соседнем классе. Наверное, она родилась немкой – так блестяще знала чужой язык и сумела заставить нас полюбить его. На её уроках все старались говорить только по-немецки. Она проводила дополнительные занятия, организовала кружок – и мы разгварывали небольшие пьесы-сценки

*Выпускники (группа) средней школы 1951 года с учительницей
немецкого языка Софьей Дмитриевной (в центре с дочерью).*

Снимок сделан в основном бору на берегу реки Вытки

на иностранном языке, писали сочинения. Раздавала нам немецкие книжки с рассказами и стихами – и мы их читали почти свободно. Это всё впоследствии очень пригодилось!

Учитель физики Кузьма Дмитриевич (ребёнка дали ему прозвище Пуля) своими глубокими познаниями, некоторой даже стеснительностью, неаккуратностью в одежде несколько удивлял. Но его любили как своего человека, хорошего парня.

Трудновато приходилось с нами – десятиклассниками молодой выпускнице пединститута историчке Бочкаревой. Забыл её имя, вроде Зоя Сергеевна. Но помню, как её вводили в краску доморощенные остряки, порой даже дею доходило до слёз. Но она не жаловалась директору, виду не подавала. И в конце нашей учёбы стала «своей».

А лаборанту, то есть мне, в кабинете биологии работы после уроков хватало. Надо сменить воду в аквариумах, где жили рыбки, – таскал её ведрами с улитки. Убирал навоз из клеток с кроликами, кормил этих обжор. Чистил клетку у белочки. Поливал цветы и т.д. и т.д. Но у зав. кабинетом – она преподавала нам химию и анато-

мию – претензий ко мне не имелось. На стенах в кабинете повсюду висели картонные картинки на темы из жизни животных. Вообще сюда школьники любили приходиться и помимо уроков.

Нас, деревенских, таких как я, в классе насчитывалось меньшинство. Всех даже не помню. Здесь учились в основном поселковые. Самым развитым и даже немного худитаннистым казался сын военкома Вадька Хромов. Он перенёс ленинградскую блокаду и рано повзрослел. Несмотря на волыные выходы, учился хорошо. Потом он, кажется, поступил в военное училище. У Виталия Кожевникова проявился дар баяниста. Его родители, вроде бы, работали на бумажной фабрике «Красный курсант». У Волопиной отец – там же коммерческий директор, а сама она – почти взрослая девица. Отец Рычковой – начальник ОРСа бумажной фабрики. Мой дружок Кислицын, замечательный парень, – сын начальника райуполминзата. Шура Койков ходил в школу из Никольского затона, его отец трудился в речном пароходстве. И Шурика носил чёрный форменный китель с блестящими пуговицами. А другие ребята и девчата, которых называл выше, одевались вообще как взрослые.

Лишь у меня ничего и никого не было. Ходил в школу с кожаной сумкой, которую носил как рюкзак, продавая дукки в ламки. Одежка тоже кое-какая. И ростом мал – после школы на медкомиссии определили рост – 156 см. Сидели мы на первой парте с

*Мы дружили тогда – я и Вова Кислицын.
Очень толковый был парень*

Чуждом сохранившийся снимок учеников 9 «А» класса Муравитинской средней школы. В первом ряду (слева направо) Шура Койков и Вадим Хроков. Во втором — я, Ия Загоскина, а дальше не помню. За Ией Загоскиной сяди Аля Элобина, дальше — Зоя Рычкова, первыми слева стоят Худякова и Макарова. С тех пор прошло всё-таки 62 года

Бакиным Борисом, родом из села Монастырщинны нашего района. Как самые замухрышки. Но были упрямы и учились с пристрастием. Кстатти, Борис Гаврилович Бакин после окончания Кировского учительского института работал в сельских школах Юрьянского района учителем, завучем, директором, а с 1976 года и до выхода на заслуженный отдых возглавлял родную Муравитинскую среднюю школу.

Раньше экзамены сдавали каждый год, а в 7-м и 10-м классах — выпускные, последние давали аттестат зрелости, если ты, конечно,

ее достиг. Мне почему-то всегда не везло. Помнится, по геометрии с тригонометрией на экзаменах в 10-м классе было 27 билетов по два вопроса. Добросовестно повторив 26 билетов, в последнем 27-м поленился выучить второй вопрос. И что вы думаете? На экзамене выгащил именно 27-й билет. А некоторые ребята честно признавались, что учили, скажем, 10 или 15 билетов и вытаскивали обязательно из числа «знакомых». Пришлось неимоверно напрягать память, собрать волю, чтобы вспомнить теорему и достойно ответить. С тех пор мне в жизни не раз и не два выпадали 27-е билеты.

Экзамены сданы, школа окончена. Торжественное собрание с участием не только учеников, но и их родителей, поселковых и районных начальников, представителей бумажной фабрики, проходило в заводском клубе. Под музыку нам вручали аттестаты зрелости, но не в алфавитном порядке, а по уровню оценок. И первым на сцену вызвали меня. В моём аттестате попала одна «четвёрка» по литературе (остальные — «5»).

А на сцену я вышел в резиновых сапогах без подкладки, чёрных штанах, которые мы с дедом хорошо выкрасили нитризином — краской, растворённой в киятке. И чёрном френчишке, который мне шили в мастерской. Потом состоялся вечер в школе. Деньги на его проведение собирали с выпускников. Как сейчас помню

Прокачусь на чужом велосипеде. Свой пока только в мечтах

менно: винегрет, котлета, компот, хлеб и по половине стакана сливанки. Я впервые выпил такого вкусного вина, и в голове сначала всё закружилось. Потом ничего. Пели песни. И танцевали – кто умет. Девчонки кружились в вальсе.

Вечер закончился, все пошли по домам. Двинулся и я в семикилометровый путь. Переживания, волнения схлынули, а впервые выпитое вино неудержимо клонило ко сну. Через каждый километр я садился отдышаться, но боялся окончательно разомлеть и разоспаться. Силком заставлял себя вставать и двигаться дальше. Шёл долго, часа три. Уже светало, когда явился домой и вручил делу аттестат о моём среднем образовании. Дед не стал, ждал меня. Посмотрев документ, он сказал: «Хорошо. Теперь отдыхай».

Моя дальнейшая жизнь продолжалась уже не в родной деревне. Но об этом в следующей главе.

Гороховские испытания

В конце июля пошли тёплые тихие дожди. После засухи наша северная природа ожила, на скошенных лугах буйно проросла трава. Утром как-то заглянул на соседний рынок и удивлённо заметил горки всяких грибов на самодельном прилавке-доске. Сразу захотелось в лес.

В пятницу, когда рабочий день почти закончился, решил махнуть на УАЗике в дальние перелески, где не бывал много лет. Проехав по асфальту километров тридцать, свернул налево по знакомой когда-то дороге, теперь мало наезженной. С трудом преодолел два оврата, едва не застряв в глинистых ямах. Выскокчил на возвышенное наклонное плато, но не узнал его. Так всё изменилось. Когда-то здесь располагалось село Горохово – теснились жилые дома, кругом в зелени деревьев утопала двухэтажная деревянная школа-семилетка, рядом – сельсовет и почта. На другой стороне уллицы – медпункт и детский дом с покрашенной в синий цвет обшивкой. Ниже от школы магазин с высоким крыльцом, с ним почти соседствовала приземистая пекарня, отсюда всегда по-особому вкусно пахло свежим хлебом.

А на другом краю села в лесочке за колхозной конторой виднелась ветгелечобница с конюшней. Чуть ли не во дворе сяди школы

высилась полуразрушенная церковь оригинальной архитектуры: переход между колокольней и основным помещением покрывала кирпичная арка. На её дуге уже тогда росли молодые берёзки.

Под горой на деревянном доме с железной крышей, где когда-то, наверное, жил поп, виднелась вывеска «Клуб».

Теперь тут всё одичало, заросло бурьяном и борщевиком и ещё неизвестно каким чертополохом. Непроходимые вятские джунгли – такова горестная судьба сотен деревьев и сёл, да бывших хлебных пажитей. На месте Горохова ни одного строения, кроме той самой древней церкви. Только её в отличие от других атрибутов бывшего села пытаются восстановить. Для кого и для чего? Ведь все деревни в округе вымерли, исчезли с лица земли. Разве что для паломников Великорепского крестного хода, которые раз в год, в начале июня, проходят по этим местам, делают здесь привал, служат молебн, отдыхают...

Маслята оказались вокруг сосен, росших за селом. Их было много, но в корзину попадали только крепкие. Скоро она наполнилась доверху. Сел отдохнуть на пенёк и задумался. И перед глазами мысленно возникли картины той далёкой уже теперь жизни. И сего, где я провёл два с половиной года в начале пятидесятых, осталось уже только в воспоминаниях...

В то июльское утро 51-го мы с дедом Екимом встали рано. Я принёс воды из колодца. Подогли коз, выпустили их на пастбище. Накануне мне пришло письмо из Кирова с вызовом на вступительные экзамены в пединститут. Дед молча курил и вздыхал – он понимал, что внуку надо учиться. Но и одному оставаться не хотелось – старость всё более давала знать.

– Поешь на дорогу, – молвил дед. – И денег вот возьми.

Выпив молока, я проверил ещё раз сумку и присел на лавку. Потом двинулся к выходу.

Дорога в Киров хорошо известна. От Медян до Мурыгино лобимыми тропками всё короче, чем по наезженным колеям: через Максимовы, потом по бревну-переходу за речушку, за деревню Сорокины к Лучинатам, а там по краю Добрачёнок – и вот уж Рычки и фабрика «Красный курсант», перед ней плотина на реке Медянка.

Пришлось прошагать через весь посёлок. На окраине у будки толпились люди. Скоро должен подойти паровозик с грузовыми платформами, а среди них вагончик для пассажиров. Доехали до

*Наталья Николаевна
Тихомирова, жена моего отца,
была грамотным, культурным
человеком, специалистом
банковского дела*

*Мои неродные сестры — Галя (старшая) и Лена (младшая),
с ними их двоюродный брат Виктор. (Снимок 1951 года)*

станции Гирсово за полчаса. Там пришлось ждать поезда из Слободского. И вот уже Киров-П-ой.

С вокзала отправился на улицу Розы Люксембург, 28, где на втором этаже деревянного дома в квартире номер 7 жила семья погибшего на фронте отца. Мачеха Наталья Николаевна «служила» в областном Госбанке, а мои неродные сестренки Галя и Лена учились в школе. С ними больше занималась их бабушка (дед Еким звал её в шутку «Кривой султан»). Она веда домашнее хозяйство. Жила вместе ещё сестра Наталья Николаевна. Вот к ним и явился так неожиданно. Девчонки мне обрадовались, да и взрослые встретили приветливо, хотя у них в квар-

*Отец и сын — один в тылу, другой на фронте ковати победы.
Зот Андреевич и Иван Зотович Домрачевы (последовенное фото)*

тире тесновато. Я и сам понимал, что жить в городе нелегко. Думал так: дам экзамены, а там видно будет. Общежитие дадут, может быть. За ужином поговорили обо всём — и о нашей деревне, и о том, как у них тут. Ночевать пришлось на полу в кухне — больше негде. Я был этому рад, никому не мешаю. А на полу спать привычно.

Первый экзамен в институте — сочинение. При темы на выбор. До сих пор помню, что взял «Образ Ленина в творчестве Горького и Маяковского». Изложил свои мысли чётко, последовательно. Цитировал великих писателей. Но после проверки получили «чёрную». Снизили за «сухость» изложения, хотя в тексте не было ни единой опинки — ни грамматической, ни синтаксической.

Любимая математика прошла на «пять», физика — тоже. Сюрприз случился на экзамене по химии. В третьем вопросе предлагалось решить задачку и на её основе осуществить химическую реакцию. Учили ведь нас в школе, что при лабораторных опытах надо брать одну десятую от того количества вещества, какое указано в задаче. Да забыл про это и порошка много испортил. Рассердился рьякая преподавательница (строгая, наверное, кандидат наук) на деревенского парнишку и «пройку» закатила. В итоге в

институт меня приняли, но без стипендии. А кто учить, одевать, кормить станет? Забрал сразу документы в приёмной комиссии и домой вернулся.

Думаги-тадали с дедом, но ничего так и не решили, как жить дальше.

Через несколько дней у нас на тихой деревенской улице, разогнав сонных кур, затарахтел мотоцикл. Тогда никакой техники, кроме МТСовских тракторов, в деревнях не появлялось. А единственный в районе легкой газик возил первого секретаря райкома партии. У них в гараже имелся ещё мотоцикл с коляской. На нём ездили другие райкомовские работники. Технику содержал в рабочем состоянии единственный и бесценный шофёр райкома Иван Зотович, бывший пограничник, прошедший всю Великую Отечественную войну. Он приходился мне родным дядей, то есть был материнным братом.

Мы с дедом вышли навстречу Зотовичу. Он, как всегда, широко и приветливо улыбался. И тут же объяснил свое неожиданное появление:

— Николай, приехал за тобой. Приглашают на беседу в райком комсомола. Садись в коляску.

Приказ по РОНО

В кабинете первого секретаря райкома комсомола Миллица Михайловича Лосевой сидели ещё двое. Недавняя моя учительница литературы Тамара Ивановна Кузнецова, к этому времени назначенная заведующей РОНО, и ещё какой-то незнакомый мужчина — он в разговоре не участвовал.

Тамара Ивановна спросила меня про экзамены в пединституте. Я поведал свою грустную историю с «тройкой» по химии.

Выслушав меня, она сказала:

— Не стоит огорчаться. В общем-то ты подтвердил наши оценки, хотя требования в институте могут быть выше. А «ошибка» на экзамене по химии — просто случайность. Давай подумаем вместе, как быть дальше. Пока не потерял свои знания, надо применить их на практике. Учитывай твой интерес и способности в немецком языке, мы решили направить тебя на работу учителем немецкого

языка и физкультуры в Горховскую семилетнюю школу. Там иностранный язык уже не один год не преподаётся. От этого страдают выпускники. Придётся ещё на общественных началах быть старшим пионервожатым школы.

— А у нас в тамошней колхозной комсомольской организации нет секретаря, надо набирать, — вмешалась в разговор Миллица Михайловна.

Я ошеломлённо слушал, не зная, что сказать. Ещё вчера меня могли удалить из класса, если бы нарушил дисциплину. А тут мне самому доверили учить и воспитывать ребят. Мысли пронеслись в голове. Положим, знаний немецкого у меня с лихвой хватит для семилетней школы. А как вести уроки, держать дисциплину, когда сам чуть постарше своих будущих учеников?

Тамара Ивановна, угадав моё состояние, стала рассеивать сомнения:

— Там очень опытный директор, прекрасный педагог Дмитрий Алапович Комаровских. Он поможет тебе освоиться. Не раздумывай, поезжай!

Тут же мне вручили приказ по Мелянскому РОНО о назначении с 25 августа 1951 года учителем немецкого языка и физкультуры Горховской семилетней школы. Так волею судьбы оказалась я в селе Горхово.

Хочу вспомнить о том времени и тех замечательных людях, которые помогли в начале самостоятельной жизни.

Как поётся в песне — «От Кубани до Волги были сборы недолгие». Но в сознании происходил переход из одного состояния в другое. По-деревенски Коля Петин превращался в Николая Петровича. А как всё ещё получиться?

Дома дед Еким советовать ничего не стал. Смотря сам: если уверен и способен, поезжай. У него в той стороне, в деревне Хохряковщина, жила дальняя родня, не знаю по какой линии. Он назвал её, велел просьбу передать — приютить внука на первых порах.

Как нельзя кстати приехал в Меляны на лошади Михаил — бывший медник из МТС, который когда-то по зимам квартировал у нас, работал в мастерской. Он остановился на ночлег. И согласился подвезти меня в горховскую сторону, до деревни Плеханы.

У деда в амбаре лежал аккуратный полукруглый чемаданчик из фанеры. Им ещё мой отец пользовался. Я сложил туда свои

вещички из одежды, книжки на немецком, словарь, зеркальце и щётку. Второй кладью оказались полупшка да плотная матрацная наволочка. Если её набить соломой или сеном, получится удобная постель. Дед связал поклажу ремнями, чтобы удобнее нести через плечо.

И оставил я деда одного с домашними заботами. Если бы знал, чем всё это кончится.

Выехали рано поутру. Лошадка резво бежала, и часа через три добрались до Плекханов. Михаил вывел меня за деревню и показал, в какой стороне Хохлаковщина.

— Иди к реке, там где-то переходы через Грядовицу, — напутствовал он.

Я, конечно, как и следовало ожидать, заблудился в буйном ивняке, росшем по берегам. И продираясь наобум сквозь кустарник. Остановился передохнуть и услышал неподалёку голоса. Окрикнул — они замолкли. Стал приближаться к тому месту, где кто-то разговаривал, и скоро увидел двоих ребят — один лет 12-13, другой — уже почти взрослый юноша. Штаны у них закатаны выше колен. Старший процеживает речные омутки саком, а младший выбирает рыбёшку в холщовую сумку — окуньков, сорожек, пескарей.

— Ребята, как перебраться через реку?

— До мостков обходить с полкилометра, — ответил младший.

Они спросили, кто я такой и куда иду. Я сказал: новый учитель в школу. Тогда младший взял мою поклажу, а старший посадил меня на плечи и перенёс через реку.

Познакомились. Это были братья Шиндориковы. Младший Витка пойдёт в шестой класс, то есть станет моим учеником. А Володя учился в Риге, в речном училище и отдыхал на каникулах у матери в Горохово. Его мать — учительница начальных классов Анна Алексеевна.

Владимир Шиндориков,
мой друг
(снимок начала 50-х годов)

Забегая вперёд, скажу, что наше знакомство с Володиёй в дальнейшем переросло в многолетнюю дружбу. После окончания училища он приехал в Киров и стал капитаном речного трамвая — ходил на нём по Вятке, перевозил пассажиров. Потом уезжал в Сибирь, там плывал на больших речных судах. Вернулся в Киров — и что-то в жизни у него не заладилось. С женой развёлся, начал выпивать. Мы с ним долгое время, лет пятнадцать, не виделись. Я работал в районах, он — в Сибири. Неожиданно, будучи уже в Кирове, получил от него письмо из колоники, где он отбывал срок за убийство во время пьяной драки. Я был поражён, что такой умный, красивый парень, с хорошим образованием и специальностью, воспитанный и культурный, попал в тюрьму. Он обладал, как говорят, «шармом», нравился женщинам, умел работать. Как и почему это случилось? И чем я мог ему помочь? Вель суд подробно разбирался в деле — он виноват.

В моём сознании не угладывалось, что Володя — преступник. Я хотел, чтобы он остался в моей памяти как надёжный товарищ, весёлый и остроумный парень, а не зек. Слышал, что потом Владимир уехал в Молдавию, к брату Витке. Тот после окончания Кировского сельхозинститута работал там зоотехником в крупном совхозе.

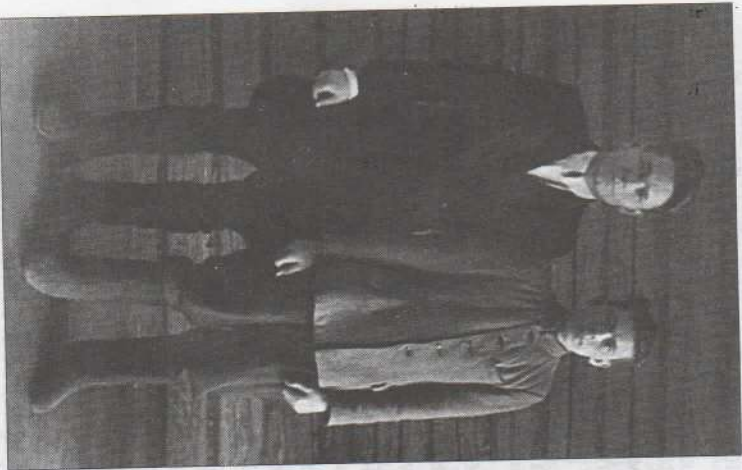
...Однако вернёмся на берега Грядовицы. В Хохлаковщине тогда быстро нашёл пятистенный дом дедовой родственницы. Она оказалась воинственной старухой, и хотя приняла меня, но потом часто шпыняла. Жили они втроем. Её дочь Лиза, около 40 лет, мочет, чуть меньше, целыми днями пропадала на колхозной работе. Над ней посмеивались в деревне, считая чудной. Да ещё она плохо слышала. И потому возникали разные недоразумения. Дочь её Валя Харюшина перешла уже в шестой класс, то есть тоже стала моей ученицей. В доме всем правила бабка.

Мне отвели комнату за заборкой с лёгкой дверью. Там были железная кровать и небольшой стол с керосиновой лампой. Старуха установила плату за квартиру, а Лиза ворчала на неё: «Зачем берёшь со своего человека». Но мне потом из школы стали выдавать «квартирные», так что никто не страдал. В огороде стояла баня по-чёрному, её топили не каждую неделю. Меня пускали в первый пар, хотя там ещё такая жарница. Вроде «мужик» должен начинать. Но чтобы тепла потом на всех хватило. Хозяйка держала коз, и молоко пришлось покупать у соседки. Так и зажил я самостоятельно.

Новый учитель в Горохово

А теперь главное — школа. Явившись туда с приказом РОНО, встретил приятного, крепкого мужчину средних лет, в сильных очках, нанного выше меня ростом, в сапогах и брюках галифе. Он взглянул на бедно одетого замухрышку и не смог скрыть своего разочарования. Но куда деваться: раз пристали такого «учителя», придётся с ним возиться.

Если и стали говорить. Вернее, он спрашивал, я отвечал. Главный вопрос — как нынешним семиклассникам за один учебный год преодолеть двухлетнее отставание по немецкому, да и свою программу усвоить, стать выпускные экзамены. Об этом я сам уже

задумывался и предложил директору добавить в расписание 2 часа немецкого на неделю и также ввести дополнительные занятия. Придётся нелегко, но я мол, постараюсь. Настроение у Дмитрия Агаповича несколько улучшилось. А я отправился на свою квартиру в Хохряковщину, чтобы составить планы уроков и вообще подготовиться к занятиям.

Наступило 1 сентября. Ребята выступились во дворе школы. Директор поздравил их и пожелал успехов в учёбе. Тут же стояли празднично одетые учителя, с ними и я — с виду какой-то подросток. Родителей не было, им неделя и некогда в рабочий день куда-то отлучаться с работы.

С директором Гороховской
семилетней школы Дмитрием
Агаповичем Комаровских (слева)

Нагрузка у меня определилась — 23 часа в неделю (при норме 18) — это вместе с уроками физкультуры, не считая дополнительных занятий. Завучу требовалось представлять планы уроков. Ещё проверка тетрадей, словариков. В общем, картина серьёзная. Но это всё потом.

А пока надо идти на первый в жизни урок в качестве учителя в шестой «А» класс. После звонка, он показавшись мне оглушительным, я выразительно посмотрел на директора, ожидал, что он поведёт меня в класс и представит ребят. Дмитрий Агапович потёр затылок характерным жестом и сказал: «Что я тебя по всем классам водить буду? Давай уж сам привыкай!».

И я, взяв журнал, отправился на урок. Открыл дверь, энергично подошёл к столу. Ребята дружно встали. На меня уставились десятки глаз — с интересом, с лукавинкой, а то и равнодушно. Что будет дальше?

— Зеттен зих! (Садитесь!) Хойте ист ерсте септембер айн тауенд нойн хундерт айн унд фундциг (Сегодня 1 сентября 1951 года). И дальше на немецком языке описал погоду, школу, сказал, что мы обязаны хорошо учиться. Из своей маленькой книжки прочёл на немецком сказку о том, как в одном немецком городке волшебный торшок загопил и липы кашей, и его жители должны были проедать себе в каше дорогу. Потом сразу перевёл отрывок. В классе на удивление тихо — все слушали. И дальше я заверил ребят, что скоро они сами станут так же читать, писать, переводить немецкие тексты.

В общем, как говорил известный политик, учебный процесс пошёл. Были плюсы и минусы. Главное же — свершилось. Я начал работать учителем. Мне почему-то сразу не понравилась присутствие среди учеников детдомовцев. Казалось бы, к ним должны быть наоборот симпатии. Но в отличие от деревенских они явно не хотели заниматься, вели себя на уроках пассивно, домашние задания выполняли небрежно, а то и вовсе не делали. Оказываются, дания выполняли небрежно, а то и вовсе не делали. Оказываются, и другие учителя — опытные, со стажем — тоже мучились с ними. Слава Богу, к Новому году детский дом в Горохово расформировали, и ребят перевели в другие места. Мы как-то сразу облегчённо вздохнули.

А сейчас пора упомянуть своих первых коллег по совместной работе. Завучем у нас работала Парасковья Дмитриевна Ашихми-

на, математик и физик. Женщина серьёзная, пунктуальная. Она поздно вышла замуж и очень следила за собой. Одевалась строго.

На её уроках шагить было некогда. Августа Васильевна преподавала русский язык и литературу — интересно, расширяя программу, причаляла ребят к самостоятельности.

Дмитрий Агапович увлекательно вёл историю, давал много дополнительного материала. Но и двойки не стеснялся ставить детям.

Вторым преподавателем по математике работал Олонин, забыл его имя, вроде Юрий, а отчество точно Тимофеевич. Он участвовал в войне и потерял там левую руку, у него ниже локтя крепился протез. Это не мешало Олонину колотить дрова, ходить

Коллектив учителей Гориховской семилетней школы. Первый ряд (слева направо): Тамара — не помню отчество (работала в начальных классах), Н.П. Масников, Д.А. Комаровских, Ю.Т. Олонин, Олонина; второй ряд — А.В. Бокова, А.А. Шиндорицова, П.Д. Ашихмина (Прохорова), Колышницина (из начальных классов), А.М. Бушневская

со своим верным Тобиком на охоту за зайцами, стрелять с плеча. Его жена, очень живая и общительная, занималась с ребятами в школьном интернате, дочь Надя ходила в сельской класс. В средней школе в Мурьгино учился неродной Олонину сын Ланцов, тоже Юрий. В их семье всегда чувствовался мир и лад, какая-то добрая атмосфера.

Самой, пожалуй, «нестандартной» и даже странной из коллег мне показалась Аполлинария Михайловна Бушневская. Она преподавала ботанику, зоологию, даже географию, любила и знала свои предметы, умела увлечь учеников, но иногда забывала об их возрасте. Однажды на уроке зоологии подошла к окну и, увидев на улице Тобика, оседлавшего сверху собачку с целью получения помста, пригласила семиклассников подойти к окну и посмотреть на это действо, как на наглядное пособие в познании теории протомства, пригласила вынудили директора школы прервать занятие и навести порядок. Августа Васильевна на следующем уроке в этом классе планировала провести диктант по русскому языку, но ребята были так возбуждены, продолжая смеяться и обсуждать собачью «картинку», что контрольную работу пришлось не давать ложить. За этот странный эпизод Бушневскую обсуждали на педагогическом совете. Она плакала и что-то говорила в своё оправдание. Потом она прониклась ко мне доверием, приглашала к себе на чай и много рассказывала о своих житейских неудачах. Вскоре у нас в селе появилась некто Трапицын — преподаватель пения и рисования. Он оказался бывшим попом, что тщательно скрывал. Они сошлись с Бушневской и стали жить вместе в крайнем одноэтажном домике. Ещё были у неё мать и брат, который учился в Мурьгино в средней школе.

Об учителях начальных классов сказать нечего. С ними мало общался. Они, великие труженицы, с утра до вечера провозили в классах, наверх, в учительскую, заходили редко. Буквально пестовали своих питомцев.

Итак, рабочие дни полетели как осенние листочки. С немецким всё пошло по программе. А вот что делать на уроках физкультуры, я вначале не знал. Программа рассчитана на наличие только ле спортзала. У нас же его не имелось. На школьном дворе под спортивный уголок — шест и канат для лазанья, турник для под-

тпивания да бревно на высоте 1 метра – для спортивной ходьбы по нему. Хорошо ещё, что я умел лазить по канату и сносно подтпиваться. Сначала заставлял мальчишек вышполнять гимнастические упражнения, лазать по шесту и канату – кто мог. А что делать девочкам? Они бегали на 100 метров по очереди или по двое – надергонки. Мальчишки ещё прыгали через «козла». С тоской ждал снега, чтобы поставить всех на лыжи.

Де-то в половине второго занятия заканчивались. И я захватив тетрадки, отправлялся на квартиру в Хохряковщину за полтора километра от села. По пути заглядывал в магазин – купить свежего чёрного хлеба. Там можно ещё приобрести солёной кильки из ящика или ржавой селедки из бочки, фруктовых конфет, брусок ягодного чая, сахарный песок. Изредка появлялись пряники. Все полки вдоль стены заняты великоленными консервами «Крабы» и бутылками коньяка, на которых толщиной в палец лежала пыль. Ни то, ни другое никто не покупал. Крабы есть не хотели, не знали вкуса, а питиввездочный тёмного цвета коньяк был дороже водки. Её и потрбляли жаждущие.

Обед у меня получался иногда не ранее половины третьего. Бабка при всей не любви ко мне утром ставила в вольную печьку чугунок с куском мяса или тушила картошку. (Его мне сначала предложили купить тут же в деревне, да ещё козу из Медян пришлося зарезать). А картошки у хозяек – полное подполье. Навишись досыта так поздно, я зачастую не ужинал, а выпивал на ночь стакан молока. Рано утром всегда стоял на плите у печки горячий чайник. Отдохнув немного, садился за тетрадки и планы к завтрашним урокам.

Прошло уже три недели моего пребывания в Горохово. Бойкая хохотушка Лидия Васильевна (звали её просто Лидой) – счетовод школы, сестра учительницы Августы Васильевны, начала всем работникам аванс. Я получил более пятисот рублей – такие серьёзные деньги. Порамыслив, что неплохо бы приодеться – всё же учитель, отпросился на субботу у директора и рано утром двинулся пешком на Чащинский разъезд Северной железной дороги. Это более десяти километров от Горохова. На поезде доехал до Кирова. Нашёл «барахолку» – она располагалась на месте теперешней филармонии. Там присмотрел по росту светло-коричневый костюм, вроде бы полушерстяной. И совсем новый. Заплатил за

него 300 рублей. Тогда уже в продовольственных магазинах стало кое-что появляться. Ещё купил килограмм полуконченной колбасы «Дружба» (конина с бараниной, удивительно вкусная), бутылку «Сливянки» и буханку серого хлеба. На вечернем поезде доехал до Пирсово и оттуда пешком до Медян. Дед обрадовался моему приходу, сварил картошки, достал солёные грибы, вскипятил чай. И мы долго сидели с ним за столом, выпили немного вина, закусывали, чаевничали и обо всё говорили. Я рассказал о первых неделях работы, о своих трудностях. Дедко без меня один выкопал и ссыпал в подполье картошку, выглядел усталым, часто кашлял. Остался и помочь ему по дому я не мог. Завтра рано уходить в Горохово, хотя и воскресенье. Ведь шатать почти двадцать километров. А вечером готовиться к урокам. Наутро дед ещё спал, а я пешком отправился из дому. Вернулся в Горохово и приступил к работе. Прошла неделя.

Деда Экима не стадо

После выходного, кажется во вторник, в школу прибежала се-кретарь сельсовета и сообщила мне, что звонили из Медян и назвали прибыть домой – дед сильно заболел. Написав заявление директору о краткосрочном отпуске, я тут же пустился в многокилометровый путь. Сначала шёл бодро, а потом раздумался и понял: с дедом плохо, иначе бы не позвонили соседи. И тут непроизвольно стал вспоминать нашу совместную жизнь – как ухаживали за ко-ровой, копали в огороде, строили баню, как дед заболел уже мне и с ним я ничего не боялся. Потом я много повторил уже вслух, а слёзы ручьём катились по щекам. Дорога казалась пустынной, и некого было стыдиться. Так горько, безушечно, отчаянно я некогда в жизни не плакал – ни до, ни после. Весь путь от Горохова до Медян, говоря образно, полил слезами. Я отчётливо почувствовал: теперь остаюсь один на всём белом свете. Ибо такого родного, надежного (несмотря на внешнюю суровость) человека у меня уже никогда не будет. И сетовал на себя, горько сожалея: зачем со-гласился уехать на работу в далёкое село, оставил больного дедушку одного, не помог ему вовремя. Но в жизни так бывает, что назад

уже повернуть нельзя. И ни поправить, ни исправить – только остаётся молча кричать и горько каяться. Вольнуло или нет вино уже не искупить ничем и никогда.

Вот и конец пути – село Медяны, а за ним наша деревушка. Дом оказался заперт изнутри. Но я знал, как проникнуть в ограду. Войдя в избу, увидел лежащего на широкой лавке деда. Он время-нами стонал, иногда поднимал то одну, то другую руку. Находился в полубредовом состоянии. На табуретке у постели стояло питье, пузырёк с каким-то лекарством. В ответ на мой вопрос – что у него болит – дед не ответил. Только тихо так сказал: «Ключи от амбара на полнице».

Я побежал в село, нашёл фельдшера, который посетил деда. Он сказал, что ему плохо – дышать нечем. Лёгкие и так у него больные, а тут ещё двухстороннее воспаление. Заскочил в магазин, купил водки. У деревенской соседки Ефросины Дмитриевны попросил мёду. Сухая малина у нас своя. Заварил круто чаю, положил туда народных средств, чуть водки и помог деду попить. Ему вроде стало полегче. Что же делать? Может, завтра сбегать в Мурытино и попросить помощи врача? А теперь уже вечер. Придётся ждать.

Забрался на печку, взял туда копилку, а лампу оставил внизу на столе, чтобы деда было видно. Он ещё попил с ложки и вроде задремал. Усталость меня одолевала, но спать я не мог – вдруг деду помощь понадобится. Сковозь дремоту слышал, как он поднимал поочередно руки, задевал за стену или край стола. Тихо стонал. Около полуночи вдруг стало подозрительно тихо. Я спустился с печки и подошёл к постели. Дед не дышал и лежал, вытянувшись во весь рост.

Так и просидел я до утра на печи, не смыкая глаз и не зная, что делать дальше? Как-то всё остановилось, замерло и ничего не хотелось.

Утром сообщил соседям о смерти деда. Попросил помощи. Все охотно откликнулись. Кто-то отпоявился рыть могилу, двое мужиков достали с повети сухие длинные доски и принялись делать гроб. Соседки вместе со мной искали одежду получше, чтобы обрядить Екима Алексеевича в последний путь. Папан Гена, друживший с дедом, съездил на велике в Домрачёнки к другому моему деду Зоту Андреевичу, чтобы известить его о похоронах. А я побегал в сельсовет за свидетельством о смерти.

В общем, всё сделали, как надо. И Зот Андреевич с бабушкой Анной Васильевной пришли помочь. И все соседи. Дедка моего схоронили, поставили крест на могиле. Помынули его светлую папьять и разошлись по домам.

А я оказался один со своими проблемами. Что мне, папану, делать с домом, с двумя козами, со всем тем, что осталось – какое-никакое хозяйство. Впереди три дня вместе с обратной дорогой в Горохово. В понедельник в 9 утра я должен быть на уроке. Плакать больше некогда.

Мне подсказали, что столяр детского дома Василий Васильевич Покретьбышев, высокий, степенный мужчина лет около шестидесяти, ищет себе квартиру. Он был вдовец и жил вдвоём с дочерью, работавшей, кажется, на почте. Сходил к нему и предложил поселиться у меня – причём немедленно. Он согласился. Всё, что имелось в доме, что могло пригодиться, стаскал в амбар, заперев его на внутренний замок. На молодую козу нашёлся покупатель, а вторую пока оставил под присмотр новому квартиранту, благо кормов на сеновале запасаено достаточно. А сам, собрав вещички, уже в воскресенье отправился в Горохово с неприсохшими ещё глазами от пережитого горя.

Мы с Василием Васильевичем (слева) на скамейке у дома в М. Масниковых

И потекли школьные будни.

При большой занятости с утра до вечера время летело быстро. На праздники 7-8 ноября, да ещё к ним добавилось воскресенье, я ушёл в Медяны. Сразу заглянул в столовую, где работала наша деревенская Ефросинья Дмитриевна. Примостился за столиком в углу и задумался — кому я теперь здесь, то есть дома, нужен. Долго сидел, не в силах встать и куда-то пойти. Даже говорить не хотелось. Буфетчица наблюдала за мной, потом подошла к столу и поставила стакан красного вина.

— Попей, легче станет...

Я выпил, ещё посидел. И немного отошёл. Пару дней провёл в несчастливых разговорах с Василием Васильевичем, моим квартирантом. Он выглядел очень рассудительным, умным и добрым человеком, что и подтвердилось в дальнейшем. Приятно, что он воспринимал меня уже как взрослого, обсуждая житейские проблемы.

Школьные будни

Вскоре похолодало, выпал снег. Уроки физкультуры превратились для меня в настоящие испытания. Вокруг села проложили и отмерили лыжни на 1, 3 и 5 километров. Начинающих, особенно девочек, пришлось направлять по первому кругу, пятиклассников и шестиклассников — топать по тройке, а старших — на пять. Мне приходилось бегать с каждым классом, чтобы всех видеть, чтобы ребята вырабатывали правильный стиль движения. В отдельные дни по расписанию планировалось в разных классах 3 урока физкультуры. После них елековылял домой и долго отлеживался. Лыжи у ребят деревянные, с ремёнными, а то и верёвочными креплениями. Не у всех имелись лёгкие дюралевые палки, но желаниа бегать на лыжах — хоть отбавляй.

Постепенно сформировали школьную лыжную команду из разных возрастов. Для них купили за счёт школы хорошие (по тем понятиям) лыжи, чтобы участвовать в кустовых и районных соревнованиях. Однажды зимой нас вызвали в село Чудиново — там намечались лыжные гонки участников из окружающих школ. До Чудинова напрямик километров семь-восемь. Надо пройти через

три деревни, потом по лутам и в село. Вышли всей командой после обеда — уже начало смеркаться. А когда добрались до реки Великой — потеряли ориентир. Ребята начали хныкать, просили останиться и посидеть. Я хотя и был молод, неопытен, но понимал — если обьявить привал — усталые школьники могут уснуть на снегу и замерзнуть. Поэтому шёл позади отряда и подгонял окриками и замёрзнуть. Поэтому шёл позади отряда и подгонял окриками и даже палкой тех, кто отставал. Вышли в перелеске завывали волки. Из-за туч выглянула луна. Стало не так страшно. Мы прибавили скорости. Наконец, выдвинулись в ночь замигали спасительные огоньки. Мы устремились на этот маячок. Оказалась молочная ферма, а там ночной сторож.

— Где Чудиново? — закричали ему.

— Да вы ушли в сторону. Поворачивайте направо вот по этой дороге. Километров пять до села.

Не очень он нас обрадовал, но всё-таки теперь не запутаем.

По дороге наверняка дойдём.

Пришли в Чудиново уже поздно, часов в десять. Нас разместили в хорошо натопленном классе. Матрацы положили на пол. Ребят накормили ужином, напоили чаем. Все успокоились и улеглись отдыхать. А меня позвали посмотреть на свядьбу в клубе — здепняя учительница выхотдила замуж.

На другой день нашу команду распределили по дистанциям, выдали номера. День выдался солнечный, без ветра, хотя было холодно. Соревнования прошли успешно. Даже болельщиков набралось больше, чем лыжников. На ряде забегов наши девочки первенствовали, и по сумме очков Гороховская школа среди семилетних стала победительницей (средние школы соревновались отдельно). Обратно шли днём и больше по лутам не петляли.

Эта победа принесла мне новые заботы — готовить команду на районные соревнования, которые состоялись в конце декабря. А ведь от Горохово до Мурыгино не менее 25 километров. Но пришлось снова катить на лыжах. Призы в районе нам, правда, не достались, но дисциплину мы соблюли.

Лыжные «походы» выматывали основательно. А тут ещё общественные дела. В колхозе и по селу насчитывалось больше двух десятков комсомольцев. Осенью с представителем райкома провели собрание — меня избрали секретарём. С уплатой членских взносов порядок навели быстро. А вот что касается комсомольской работы —

это сложнее. Сельские девчонки из числа интеллигенции назвались агитаторами, с беседами ходили в колхозную мастерскую, на фермы, рисовали плакаты, выпускали стенгазету, участвовали в подготовке праздничных концертов в клубе. А ещё как помочь колхозу? Ведь у каждого из нас есть своя, основная работа. Летом и весной — другой вопрос. Проводили воскресники по сортировке семенного картофеля, участвовали на сенокосе.

Председателем колхоза работал тогда Василий Трофимович Жемчугов. Его две дочери — Нина и Галия учились в старших классах. Иногда в районе, особенно зимой, проводились совещания, на которые вызывали руководителей хозяйств, секретарей партийных и комсомольских организаций. Парторганизации в колхозе не имелось — числилась т.н. территорияльная в селе. Так что на совещания в Мурьгино мы ездили с Василием Трофимовичем вдвоём на его лошадке и в лёгких санках. Посидев в зале заседаний райкома и выслушав выступления, записав указания, собиравшись в обратный путь. В центре Мурьгино работала хорошая заводская столовая, куда мы и заходили перед дорогой — поесть горяченького. Председатель колхоза обычно ещё брал себе к ужину 150 граммов водки и кружку пива. Я же ограничивался ужином с чаем. После этого он заворачивался в огромный тулуп и, разогнав лошадей, мирно спал. На мне надего хоть и зимнее, но вовсе не меховое пальтишко, оно не грело. И когда дорога шла в гору, я выскакивал и держась за спинку, чтобы не отстать, бежал за санями, пока не становилось жарко. И так до следующей горы.

А что же в школе с немецким? Вопреки моим страхам и волнениям, занятия шли нормально и продуктивно. Можно даже сказать: большинство ребят с интересом относились к новому предмету, неплохо усваивали правила чужого языка, у них накапливались постепенно запасы слов. Детская память ведь более восприимчива к незнакомой информации. Особенно старались семиклассники. С ними удалось за полугодие проштудировать учебники за пятый и шестой классы. На второе полугодие оставалась программа собственного выпускного. Я надеялся на её успешное освоение.

Наступал Новый год. В зале на первом этаже школы нарядили пышную ёлку, всем ученикам приготовили подарки. В пакетах лежали конфеты, печенье, мармеладки. Часть денег внесли родители, а большинство — школьные. Помог колхоз. На празднике царило

веселье — пели песни, читали стихи, некоторые даже танцевали, водили хоровод. Потом ребята разошлись по домам на каникулы. А учителя и другие сотрудники школы поднялись на второй этаж, где в кабинете директора накрыт стол. На праздничный ужин деньги собирали заранее. Дмитрий Агатович поздравил с Новым годом и каждому выразил какое-то особое пожелание — что всем поправилось. С годностью я сидел впервые на таком приятном и возрослом мероприятии. Постепенно все оживлялись, выпивали и громче разговаривали. Запели песни, но сначала без музыки. Потом завхоз Николай принёс баян, стало веселее.

Старшеклассники из дальних деревень, оставшиеся ночевать в интернате, пришли наверх подматривать за учительской «ёлкой». Директор школы вышел в коридор, пристыдил их и отправил обратно.

— Спать!

Среди нас особо желающих выпивать не нашлось. После чая учительницы засобирались по домам. Мужчины ещё немного посидели, поговорили. Стояла лунная безветренная ночь, когда я гордо шагал в Хохряковщину. Мне почему-то казалось, что я сразу подросток, стал на голову выше, чувствовал себя сильным, готовым к любым трудностям. С таким опущением и встретил 1952-й год. Наверное, это проявление юношеского максимализма и самонадеянности.

Но размеренные и всё более напряжённые занятия в школе превратились у меня самым неожиданным образом. Ребята, жившие в интернате, вдруг захворали. Боли в горле, сыпь на теле, повышенная температура — оказалась скарлатина. Их там изолировали, но Лида с медпункта делала уколы. Больные вскоре поправились, но соблюдался карантин, в интернат никто не пускали. Я подумал, что это блажь, и раза два приходил заниматься с шестиклассниками немецким языком. И через три дня вдруг почувствовал себя плохо. Поднялся жар, голова гудела, даже сознание загуманилось. Старуха-хозяйка ворчала: «Вот тебе, больно храбр — зимой ходил в фуражке». Сообщили на медпункт. В село как раз приехали работники санэпидстанции из района. Они нагрянули ко мне, обнаружили сыпь на теле. В комнате обрызгали хлоркой. А меня одели в тулуп, вывели на улицу и посадили в сани. На школьной лошади отправили в село Великоречское за 12 километров в больницу. Там

уложили в инфекционное отделение. Чем лечили, не знаю. Помню боль от уколов. Дня через три температура спала, всё прошло. Но в больнице меня выдержали три недели. А в отделе там нахожился ещё девочка лет тринадцати да бабушка – удивительно и у ней скраплатина. Наше пребывание скраплатина добрая санитарка Нюра, дежурившая по ночам, своими рассказами о селе и разных происшествиях. Умывались мы «святой водой» и пили её же. В больнице не имелось тогда водопровода, и воду в большой деревянной бочке, поставленной на сани, возили из-под горы, из того самого источника, что ежегодно освещали при богослужении в честь Николая-чудотворца.

После карантина меня привезли обратно, и я с новыми силами взялся за школьные дела. Натрузка возросла, так как мои предметы чуть не месяц отсутствовали. Дмитрий Агапович переключил расписание уроков, чтобы подтянуть программу. Занятия шли дружно – ребята читали и переводили текст, запоминали правила, пополняли словари. Вскоре пришли из района экзаменационные билеты. Семиклассники особо их учили. Консультации устраивали после уроков. В общем, горячая пора. Перед экзаменами я волновался не меньше учеников. Да ещё приехала представительница – инспектор РОНО. Но, несмотря на страхи, все выпускники успешно сдали экзамены, даже троек поставили мало. И вместо пропущенных дней прочерков в свидетельствах об окончании семилетки в графе иностранный язык (в скобках – немецкий) стояли заслуженные оценки. Экзамены выдержали не только ребята, выдержал их и учитель.

Лето в родной деревне

Как и положено по закону, мне предоставили летний отпуск на два месяца. Весной ещё вызывали в районкомат на призывную комиссию. И я понял, что осенью наконец-то смогу попасть в армию. Тогда все парни хотели служить Родине и обязательно в самых боевых родах войск. Поэтому собрав немудрёные пожитки, я отправился до осени отдыхать в свою деревню Малые Мясниковы, стал жить с квартирантами. Несколько раз с соседом-сапожником Павлом Захаровичем ходили на дуга к Вятке с удочками.

Без рыбы никогда не возвращались. Однажды, когда вода стала совсем тёплой, а уровень её после разлива упал, и в ложбинах остались озёрки, мы решили там порыбачить саками вброд, предварительно замутив воду. И надо сказать, улов оказался богатым. Только в небольших озёрах остались одни щурята – остальную рыбу они просто сожрали.

Тут, кстати, Василий Васильевич заключил подряд – покрасить за летние месяцы в здании деревянной Медянской семилетки двери, окна и полы. Потолок уже женщины побелили, стены в классах оклеили обоями. За покраску они не взялись. Опытный столяр пригласил меня в помощники. Времени свободного хватало, и я согласился. В паре с мастером познал азы этого дела. Сейчас ведь химия всё заполонила и всё естественное задушила. Может, и выходит ремонт быстро да красиво, только здоровью человека это не на пользу.

Тогда шеф (по-нынешнему) сначала точно измерил площади полов в школе, посчитал косяки, рамы и подоконники, дверные полотна и определил, сколько нужно и какой краски. Школа закупила ещё несколько фляг льняного масла, которое мы целый день варили на костре в большом котле, превращая его в натуральную олифу. Потом изготовили разных размеров кисти. Технички вымыли окна и полы. Из мела и олифы приготовили шпательку. И наконец взялись за дело. Василий Васильевич выполнял подготовительные работы – сбивал полы, неровные доски подстративал, шпаклевал щели, разводил краску. Окна и двери он красил сам, а мне доверил полы. В общем, мы дружно вкалывали больше месяца и всё выполнили отлично. В классах и коридорах кругом сверкало. Нам хорошо заплатили. А главное – я испытал радость труда от его результатов.

В школе с нами дежурила библиотекарь, знакомая мне. Она доверила ключи от библиотеки и разрешила брать книги, записывая их в журнал. После возврата делала отметки. Впервые вот просто так – не для программы, а для души и сердца, с большим желанием, в своё удовольствие ударился я в чтение. Замирая на сеновале иногда целыми днями. Никто не мешал. После Пушкина и Лермонтова взялся за Горького – проглотил все произведения, кроме «Жизни Клима Самгина». Потом Гаршин, Чехов, Гоголь. Попался тогда мне и Бунин. Ещё несколько французских романов. Лето дало большой толчок к познанию литературы, что особенно пригодилось потом при учёбе в Московском полиграфическом институте.

Перемены

В августе засобирался на работу – надо вернуться в школу и ждать повестки из военкомата. Мечта об армии не выходила из головы. Я стал постарше, приобрёл некоторый житейский опыт, да и в школьных делах начал кое-что понимать. И хотелось снова оказаться в кругу опытных коллег. Раза два ходил в село Медяны, чтобы найти попутную подводу и с багажом добратся до Горохова. Оказалось, один знакомый возит почту аж до села Великорецкого, а Горохово ему по пути. На другое утро часов в шесть я с вещами притащился к отделению связи. Хотя экспедитору не разрешалось никого садить на почтовую повозку, для меня он сделал исключение. Короче, добрался до села и сразу в школу, чтобы определиться, где жить. В Хохлаковщину мне не хотелось возвращаться. Дмитрий Агапович порекомендовал моему приезду и тут же оторчал, прямо оторошил:

– Ты, милоч, кажется, в армию собрался. Зря радуешься. Мы из РОНО в районкомат письмо написали, чтобы тебе дали отсрочку от службы ввиду отсутствия в школе учителя по иностранному языку.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Чтобы как-то скрасить моё оторчение, директор доложил:

– Квартиру тебе подготовили в домике рядом с Бушневской.

Действительно, в другой половине её дома имелась свободная жилая комната с двумя

С сыном Дмитрием Агаповича –
Воевой

окнами, отдельным входом и сенками, которая пустовала. Там за лето произвели ремонт, вставили зимние рамы. Даже машину дров подвезли – живи да радуйся. Мы в те трудные, послевоенные времена были неприхотливыми и непривередливыми. Тепло есть, свет есть, колодец рядом – значит, жить можно. Об остальном следует заботиться самому.

Вот и взялся я за обустройство своего жилища. Расколол дрова, сложил поленицу в сарае. Повесил шторки, чтоб с улицы не подсматривали. Сходил на колхозное картофельное поле. Картошку там для скота успели убрать, но при перекопке пластов её оказалось не меньше. Веер пять насобирали и высыпал в маленькое подполье. В конце августа стояло тепло, шли дожди. За деревней Пожарище – там стояли всего три дома, в одном из них жил Дмитрий Агапович с женой и сыном лет шести – на большом склоне, сплошь заросшем вересом и мхом, высыпало невиданное количество рыжиков. Оттуда я носил эти великоленные грибы корзинами.

Супруга директора школы Тоня и ранее проявляла заботу обо мне, приглашала к ним в банные дни. И мы парились с Дмитрием Агаповичем, потом ужинали. Тут она научила меня, как лучше грибы солить. Приобрёл в селе новую кадку ведра на полтора, заполнил её рыжиками, придавив деревянным крутом с кирпичами. Важно знать, сколько соли положить да ещё какие специи. Через неделю уже получилась великоленная приправа к горячей варёной картошке с маслом.

Мне даже понравилось новое, совсем самостоятельное житьё. Благо, школа рядом. На обед сбегать можно. Вечером истопили печку – на другой день ещё тепло. И не скучно – за стенкой слышно соседей. Купил у заготовителя сельпо, который ездил по деревням и собирал шкуры скота, одностволку 16-го калибра да два десятка патронов, заряженных дробью. Просто так ружьё не продавалось: надо сдать пушнину – шкурки белок, зайцев, кротов. У меня, конечно, шкурки не могло быть. И я поставил заготовителю магарыч – бутылку особой водки, кажется, пятидесятиградусной, зеленоватого цвета.

С ружьём спать стало спокойнее. Мало ли кто захочет меня напугать – сам тогда испугается.

И снова начался учебный год. Ребята за лето повзрослели,

загорели, а по предмету многое подзабыли. Мы встретились уже как старые знакомые (не считая пятиклассников). Занятия пошли своим чередом. Наружка у меня стала на два часа в неделю меньше, поскольку сократился один из двух шестых классов. В общем, на работе всё в порядке. Но без проблем в нашей жизни ни не бывает. Я не учёл, соглашаясь жить в отдельной квартире, одно важное обстоятельство. Командировки в район по комсомольской линии, да и с ребятами на соревнования. В конце октября проездил в Мурыгино несколько дней. Вернулся – в квартире всё замёрзло, даже картошку вроде прихватило. Умыльщик еле отогрел. Такая перспектива на предстоящую зиму вовсе не устраивала.

Новые лица

Я был огорчён, расстроен и не знал, что же делать. Вечером в сельсовете проходило какое-то совещание по колхозным делам, пригласили и меня. Все разошлись, только секретарь Нада (Надежда Васильевна) ещё сидела, разбирала бумаги. Поделился с ней своими трудностями.

– Знаешь Лёно Колупаева, счетовода колхоза? – спросила Нада. Ответил утвердительно, поскольку не раз бывал в конторе. – Сейчас ему позвоню, он долго вечерами работает. Пусть зайдёт сюда. Поговорим.

Через несколько минут Леонид Семёнович (в обиходе Лёня) появился в сельсовете. Он был выше среднего роста, крепкий, с тёмно-русыми волосами. Приятный парень с располагающей улыбкой. По возрасту старше меня лет на пять. Узнав о сути разговора, сразу сказал:

– Мы живём сейчас вдвоём. Изаба у нас большая, места хватит всем. Пойдём и поговорим с матерью.

Его мать оказалась добрейшей пожилой, но ещё очень энергичной женщиной, старательной хозяйкой. Она меня приняла как родного. Разместили в комнате за переторжкой, как когда-то в Хохряковщине. На другой день я перевёз свои пожитки, в том числе и кадку с рыжиками, из села в Колупаевщину (дерев-

ня находилась в полудкилометре от Горохова, за лесочком). И жил молодой учитель под присмотром и заботой тётки Анисьи как у Христа за пазухой всё время до перевода в Мурыгино.

Теперь-то по опыту знаю, что хороших, добрых, справедливых людей гораздо больше, чем кажется. Только злые, вредные, подлые замечнее мельтешат, они чаще досаждают нам, отравляют жизнь и потому надолго запоминаются.

Тётка Анисья сразу потребовала, чтобы у меня создался запас продуктов. Готовить же еду для неё – удовольствие. Её сын Лёня ещё и на меня. Дал денег, и парень приволок два мешка. Тётка часто радовала нас свежими ярушниками, а то и оладьями. Стоило мне заикнуться об яйцах, как соседки наперебой предлагали корзину яиц за 25 рублей. Я ещё выбирал, у кого они крупнее. В колхозе денег не платили, а на домашние расходы средства нужны. Купил на мясо живём бычка за 500 рублей – мне его забили, разделили, а Лёня разрубил на куски. Тётка в закрытой печи тушила на обед мясо с картошкой. По утрам, когда ещё спал, она ставила мне на столик к кровати банку парного молока, которое, подсластив сахарным песком, выпивал вместо завтрака и бежал в школу. Жизнь стала налаживаться. Да и в школе чувствовал себя увереннее.

С квартирной хозяйкой в д. Колупаевщина – тёткой Анисьей

В Колупаевщине стояло не больше десятка домов. И то не во всех жили. Напротив через улицу семья Кропихинных. Мать и два сына да ещё девочка – ученица. Виталий – тракторист в колхозе, гармонист, Вячеслав (Вяча) – на разных работах. Оба рыжие, младший пухлый такой и весёлый. Интересные парни, мастеровые. В крайнем доме от села жила Зина – продащица сельского магазина с мужем – работником МТС (не помню имя) и свекровью. Ещё в деревне стояли лошади, а рядом с конным двором приземистая избушка Кати Воронской (родом из деревни Воронье – потому так и звали).

В ноярке отупления расскажу о ней. Эту самую Катю хорошо знали в округе. И не потому, что трудилась исправно в колхозе на любой работе, заботилась о лошадях. А потому, что у неё буйный характер. Жила одна, семью не завела. Замуж вышла дважды да всё неудачно, о чём она «под настроение» смачно рассказывала и даже частушку «весёлую» пела.

Катя Воронская обладала большой физической силой. Она изредка напивалась и даже хулиганила. Однажды, взяв оглоблю и вращая её над головой, разогнала вечерку в деревне Воронье. Она могла дерзко ответить любому начальству, если ей что не нравилось.

Приехал как-то из района заместитель предрика Агалаков по имени Захар, а у его лошади кличка Загар. В районе посмеивались: Захар на Загаре. Он, бывший учитель, разговаривал со всеми вежливо, уважительно. Зашёл в магазин, где стояли бабы и среди них Катя. Спросил:

– Как живёте, женщины?

– Хреново! – ответила Воронская. – Не видишь что ли через очки – полки пустые.

Агалаков возмущился:

– Почему вы так со мной разговариваете и как ваша фамилия?

– Морда кобыльи! – И Катя хлопнула дверью.

Потом послали в село милиционера составить протокол. Но свидетелей не «оказалось» – никто не хотел связываться с буйной Катериной.

В школьную работу я снова втянулся, материалы уроков помнил, планы составлял быстро, только на проверку тетрадей уходило много времени. Белё мне аккуратно стирала тётка, баня в отороде топилась каждую субботу. Поэтому свободные часы выпал-

дали, и я их стал проводить в компании новых друзей. Субботними вечерами иногда собирались в доме у Зины – продащицы играть в домино. Её муж был задымленным доминошником. Поэтому Зина по-зволыла до полуночи жечь керосиновую лампу. Проигравшие да-зили под стол и бегали по-козлиному.

Новое в жизни – посещение вечеров в сельском клубе. До этого в кино ходил охотно, но на пляски стеснялся. На них собиралась молодёжь со всей округи. Что обо мне подумают бывшие ученики? Многие из них после семилетки остались у себя в колхозах. Да и девчонки тоже. Вдруг ещё пригласят на круг. Потом колупаевские парни убедили меня, что надо с молодёжью знакомиться. И мы воскресным вечером вчетвером двинулись в Гороховский клуб. Гармонь там имелась, находились среди парней и гармонисты. Девчат собиралось больше, чем ребят. Кому не доставалась пара, стояли у стены. Не знаю, как назывался этот танец, особото уменья он не требовал. Парень с девушкой кружились под знакомую музыку, но не вальс, не танго, не фокстрот, а что-то народное, вятское. При этом парни распевали частушки. Иногда их подхватывали девчата.

На вечерке встретил Римму Маракулину, прошлогодною выпускницу школы, ставшую очень видной девицей, её брата Павла, учившегося в ремесленном в Кирове, и ещё одного выпускника, кажется, из Плеханов. Все они держались по-взрослому. Первую вечеринку провёл в качестве зрителя. Потом освоился, перенякомился с парнями, но в танцах не участвовал.

А жизнь текла своим чередом. В воскресенье, как и всегда, пошли на вечерку, танцевали, веселились. Но в клуб неожиданно ввалился пьяный детина. Он раскидал пары по сторонам, выхватил большой финский нож, всадил его в пол, бросил на рукоять свою шапку, оголив бритый череп, и начал исполнять вокруг ножа какой-то дикий танец. При этом хрипел: «Всех перевержу. Вы не видели голов на колах, я вам их покажу». Девчата потихоньку к стенам – никто не хотел нарываться на бандита. «Это Карпуня. Он недавно вернулсЯ из Воркуты, где сидел за разбой», – шепнула нам завклубом.

Вечеринка растаяла. Карпуня, очевидно, довольный всеобщим испугом, посидел на скамейке и ушёл. Потом я его не раз видал – из Маракулевщины он ходил через нашу деревню в Горохово, наверное, за волкой. Когда деньги у него кончались, уезжал в Киров на неделю (там, говорят, занимался грабежами) и возвращался опять

богатым. Милиционер у нас не имелось, Карлуна чувствовал себя героем. Он ещё два раза два разогнал вечеринки. И при его появлении молодёжь расходилась.

В конце года события как-то быстро завертелись. Вначале я попал на районную комсомольскую конференцию от колхозной организации, а там меня неожиданно избрали делегатом VII областной конференции ВЛКСМ. Из Медянского района поехало десять человек во главе с первым секретарём Иваном Ермиловым — чем Книгловым. Нашу делегацию разместили на станции Киров, где на запасном пути стояли мягкие вагоны, а в них тепло, поджюченны освещенные, канализация. Ночевали там во время конференции. Она проходила в большом зале Дома Советов на Театральной площади. Народу не меньше трёхсот человек. Такого собрания я ещё не видел, с интересом слушал выступления, многим ораторам зад аплодировал. В конце, перед голосованием, более двух часов говорил самый главный из обкома — Пчеляков. О том, как будет развиваться наша область и что требуется от молодёжи. Сказал просто и понятно. После возвращения домой передал на комсомольском собрании свои впечатления.

Приближался опять Новый год. Завклубом (её звали Гали) стала всех приглашать к подготовке концерта. Несколько девчат

Снимок из газеты «Комсомольское племя» за 16 декабря 1952 года, в рамке — делегат Н.П. Мясников

вместе с гармонистом репетировали весёлые частушки. Готовились комические сценки.

Решили показать зрителям коротенькую пьесу-шутку «Медведь» А.П. Чехова, где роль заезжего барина-охотника уговорили сыграть Дмитрия Араповича. Вдову, в которую по сценарию он сходу влюбился, изобразила Анголинария Михайловна, а в качестве лакея, которому барыня то приказывала давать Тоби овса, то в конце разрешила вовсе оставить прежде любимого коня без овса, выступил я. Концерт удался, невзыскательные зрители смеялись.

Потрясение

В марте 1953 года произошло событие, всколыхнувшее наш народ и, наверно, весь мир. Умер Иосиф Виссарионович Сталин, руководитель Советской страны. Траурные мелодии лились из репродуктора. Помню, как плакали сельсоветские работницы, утирали слёзы старики в магазине, всхлипывали женщины в конюхошке. В школе ребят собрали в зале, и директор объявил торжественную весть, рассказал о Сталине. В учительской у всех тоже мокрые глаза. Траур и страх повисли в воздухе — что теперь будет с нами? Потом объявили новых руководителей страны, и народ понемногу успокоился.

Я достал прошлогодние конспекты последней работы И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (её мы изучали на политзанятиях). И заново перечитал их, хотя в то время мало что в этом понимал.

Как видно, в мире всё рано или поздно кончается. Завершилась эпоха Великого Сталина. После него пошла политическая мелкота, в чём мы в дальнейшем всё больше убеждались. Да и в простых житейских делах тоже случаются окончания. На майские праздники, а точнее 1 Мая днём около клуба много молодёжи собралось на танцы. Пришли и незнакомые, серьёзные ребята. В разгар веселья опять появились пьяненький Карлуна и начал куражиться. Все затихли. Вардуг из задних рядов к громиле, которого все боялись, подошёл коренастый, налитой силой тракторист Николай из Маго-Долгова и попросил Карлуно не мешать. Тот замахал руками. Механизатор железной хваткой взял его за горло и

за штаны, приподнял и бросил через скамейку в крутой овраг. Тот кувыркком скатился вниз и, оглушённый падением, долго лежал на сырой земле. Потом уполоз подальше на четвереньках. Больше его в клубе не видели.

Опять у нас в школе горячая пора – экзамены. Теперь для меня это знакомо, уже уверенность появилась, что всё пройдёт нормально. И, правда, ребята выдержали испытания, хотя пришлось по-волноваться – как им, так и учителям. Впереди – летний отдых. Приятно и не хочется думать ни о чём.

В небольшом селе все знали друг друга. Я тоже стал здесь своим. Не раз, когда в магазине не оказывалось хлеба – возчик не доставил, ходил прямо на пекарню, к Фёдору-пекарю. Просил у него несколько буханок и приносил в магазин, покупал, а потом в на-кладную их вклячдали.

Фёдор работал вместе с женой, обеспечивал хлебом всю округу. Они и жили там в пристрое к пекарне, имели огород. Часто пекарь ходил по селу в белом халате, с цигаркой в зубах, небритый. Но его считали мастером своего дела. Он не пил – если и покупал, то чегушку с устатку. Как-то встретил Фёдора с корзинкой и удилщиком. Говорит, ходил на мельницу к Руболам. За деревней Маракулевицина километрах в двух когда-то стояла эта деревня на берегу Фрядовицы. Теперь там осталась только стена мельницы да плотина из вбитых в дно реки брёвен и большой омут. В этом ча-стоколе рыбу никакой снастью не взять – только удочкой. Фёдор откинул крышку плетёной корзины, в которой чуть не доверху лежали красавцы окуни. У меня дух захватило от желания порыва-чить.

Договорились с ним через пару дней сходить вместе на рыбал-ку. Вышли с корзинками и удилщиками чуть свет. Фёдор проверил у меня лёску, поллавок, перевязал крючок – повесил покруппнее. Червей я накопал в навозе у конюховки – некрупных, красных. Бросил в корзинку хлеба, бутылку молока да пару варёных яиц.

Добравшись до Рубола, устроились на стлани, закинули нажи-ву. Смотрю: Фёдор уже вытаскил несколько серебристых рыбин, а у меня – ничего. Пошёл к нему: почему там не клюёт? Он гово-рит: покроши в омут немного хлеба, да и съдь чуть подальше от края плотины, не торчи над водой – рыба боится. Вскоре после его совета выткнул красавца окуня трамвом на триста. Поклёвки про-

должались – то сорожка схватит, то опять окунь. В общем, часам к девяти у меня корзинка потяжелела. А у Фёдора вообще улов бо-гатый. Увлечённые рыбалкой, мы ничего не замечали. И эти часы пролетели, как минуты.

Клёв кончился. Мы сели позавтракать, передохнуть. Можно и домой возвращаться.

В то чудное июньское утро на роскошных цветущих лугах, благоухающих ароматом, на бирюзово-зелёной, никем не мяттой траве можно забыть обо всём, лёжа на спине, смотреть в чистую, бесконечную синь неба и отдыхать всем телом и сознанием от хлю-пот и забот.

Полежав полчаса, Фёдор сел и, закурив, предложил:

– Давай прогуляемся по лугам вниз по течению реки до её впа-дения в Великую. Фрядовица здесь обмелела, но попадаются омут-ки, в них водится рыба.

И мы двинулись в путь. Омутки действительно находились, но они оказались маленькие, и двоим там делать нечего. Мы по ходу рассредотачивались. Если в омут закидывал удочку Фёдор, я шёл дальше до следующего. Так у нас рыбалка наладилась. Клёв в нелю-бимых местах выдался отменный. Я вытаскил несколько быстрых головлей, крупных окуней, сорожек. Попадались даже пескари. А в одном плесе на песчаном дне грелись под солнцем налимь. В этот

После похода отдых у конны

момент, когда они дремали, можно их приколоть острогой. Но у нас ничего не было. Дошли до реки Великой к обеду. Смогали лёски и застепили домой. Тётка Анисья удивилась богатому улову и всю неделю почевала нас с Дёней рыбными пирогами.

После таких путешествий мне не захотелось уезжать на лето из Горохова. Ещё повадился по утрам бегать на Воронское плёсо за пёскарями, которые сходу хватают даже половинку червяка вместе с крючком. Час рыбалки — и в медном чайнике чуть не доверху пекарей. А дома тётка их, ещё бьющихся, кладёт на сковородку и заливает яйцами, взбитыми с молоком. Десять минут на плите — и жаркое готово. Да ещё какое!

Потом немало размышлял о поворотах в судьбе. После недавно пережитых лишений и горестных событий я попал в более спокойную обстановку. Хотя работы в школе много, но я чувствовал себя нужным. Отношения в коллективе сложились нормальны. На квартире жилось как в своей семье. Наверное, Господь наградил меня этим за пережитое в детском возрасте. Хотя в военные и первые послевоенные годы всем приходилось неимоверно тяжёло.

В пионерском лагере

Дмитрий Агапович съездил в район: ему предложили поработать начальником пионерского лагеря бумажной фабрики «Красный курсант». Тогда эта форма летнего отдыха детей только зарождалась. Лагерь планировалось разместить далеко от райцентра — в селе Подрежье. Там несколько школьных зданий, почта и даже роддом. Село расположено в красивейшем месте — на высоком берегу Вятки, утопает в зарослях сирени. Ребят на отдых (их набралось более сотни) решили отправить по реке на барже со всем багажом. Баржу обслуживает фабричный катер.

Директор предложил мне поработать с ним в лагере в качестве заместителя, на что я, конечно, согласился. Остальной штаб подобрали в райкоме ВЛКСМ и профкоме фабрики. Вожатыми отрядов стали спортивные ребята из выпускников Мурыгинской средней школы, нашёлся и молодой баянист. А старшую пионервожатую взяли из Чудиновской школы, повара — из рабочей столовой поёлка Мурыгино.

В общем, с песнями, весёлыми шутками в прекрасный летний день часов пять плыли вниз по течению Вятки. Причалили у крутого берега. Ребята со своими вещами, разобравшись на отряды, сошли с баржи и направились в село. Там уже в школе подготовили классы для жилья. Поставили и заправили кровати, у каждой — по тумбочке. Везде чистота. Умыльнички оборуцовали на улице, туалеты — тоже. В отдельном доме устроили столовую и кухню. Питались в лагере в две смены.

Утро начиналось с общей зарядки. Дни у ребят заполнялись до предела разнообразными мероприятиями. Спортивные игры, соревнования, выпуск стенгазет, походы по маршрутам, купание в мелкой чистой старичье Вятки. Ходили и по ближайшим лесам за ягодами — их в округе оказалось полно. Костёр по вечерам с песнями. В общем, директор, вожатые, физрук, баянист — старались в поте лица, чтобы ребята отдохнули интересно, весело и с пользой.

Моя задача состояла в том, чтобы детей хорошо кормили, чтобы везде соблюдался порядок. У нас была арендована лошадь с возчиком. Хлеб в специальном ящике завозили с пекарни, молоко во флягах с маслозавода, свежие овощи брали у населения. Ещё выписывал по накладным из магазина чай, крупы, вермишель, сахарный песок, сухофрукты для компота.

На содержание лагеря составили смету. В ней, исходя из стоимости продуктов, установлена дневная норма расхода денежных средств в расчёте на каждого участника лагеря. Разрабатывали ежедневное меню. Я следил, чтобы оно соблюдалось, и все были хорошо накормлены. Опытная повараха вообще творила чудеса. В помощь ей взяли подсобную рабочую и ещё мойщницу посуды. С самого начала встал вопрос о свежем мясе. Я повесил на магазине объявление о его закупке у населения. Ко мне потянулись мужчины — прежде чем забить и привезти к нам тёлёнка, договориться о цене. Переговоры вели в здании столовой, где у меня отгорожена маленькая каптёрка. «Поставщик» обычно начинал с большей суммы, я отказывался покупать. Торговались не спеша, но постепенно приходили к согласию. Когда дело совсем не шло, я звал повараху и просил принести обед. Гость сперва упирался, мол, не хочу, сыт. Тогда ему предлагали для аппетита холодного чайку (подкрашенная варваркой водка). После пары стаканчиков продавец становился согласным на мою цену. Сам я, конечно, этот «чай» в рот не брал.

Нашёл в селге и ледник, где хранилось мясо. Теперь от предложений не стало отбоя. Мужикам понравилось радиться о цене.

В магазине выписывал для столовой по норме пачки чая. Бывая на кухне, я заметил, что столько пачек не нужно класть в котёл. Нельзя так густо заваривать, до чёрного цвета доводить напиток. Сказал поварихе Марии Дмитриевне: «Кладите заварки в котёл на пачку меньше». Проверили — чай оказался приятнее и вкуснее. А у меня в кагёрке стала накапливаться «заначка» заварки. Пошёл к заведующей магазином и говорю:

— Можно мне сдать обратно десять пачек чая?

Она отвечает:

— Неси. А что взамен? Деньги вернуть не могу.

— Да мне их и не надо. Я не жулик. И просто так отдавать нельзя.

— Обмен, наверное, хочешь сделать на водку?

— Ты угадала. По стоимости баш на баш.

И у меня на всякий трудный случай появился запас жидкой «валюты».

Бывало, заглядывали к нам гости из района. Приехали однажды на мотоцикле первый секретарь райкома комсомола Иван Ермилович Кунилов и председатель фабкома профсоюза Василий Дмитриевич Харюшин. Всё обошли, проверили, с вожатыми и ребятами долго беседовали. Те в восторге от жизни в лагере. Природа здесь чудесная, погода как на заказ. А питание такое, что дома никогда не видели.

Проверяющие удивились, как это у нас получается. Давай меня спрашивать. Говорю, мясо свежее закуплю. Ребята ягоды охотно в лесу собирают, из них варенье для них готовим. Молочная продукция тоже отменная. Пригласил их пообедать с нами. Суп получились очень вкусный, котлеты тем более. Ну и принёс им по стакану холодного «чая». Председатель фабкома с удовольствием выпил, ничего не спросил, а секретарь райкома не стал за рулём, говорит, сижу. Уехали они, а начальник лагеря Дмитрий Агапович сказал: «Не надо этим баловаться».

Вторую половину срока жили ещё лучше. В местном колхозе имени 8 Марта числилась рыбацкая бригада... из двух человек. И невод у них был, и разрешение на вылов рыбы, плёсо речное закреплено. Только некому грести на вёслах да за вёвёвки тяжёлый

Первый секретарь Медянского райкома ВЛКСМ в начале 50-х годов Иван Ермилович Кунилов

невозможно подсолдили и отравили на ледник. Трижды в лагере подавали на обед рыбацкую уху. После этого состоялась ещё одна ночная экспедиция, и опять с хорошим уловом.

За четыре недели школьники в лагере загорели, отдохнули, хорошо поправились. И все мы укрепили свои силы. К тому же подружился. В начале смены все ребята проходили медосмотр и взвешивание, в конце — тоже. Не поверите — некоторые за месяц прибавили в весе на 2-3 килограмма.

Возвращались домой опять на барже по реке, только против течения. Плыли весь день, взяв с собой обед. Родители встречали своих радостных чад в Мурытино на пристани.

Наша с Дмитрием Агаповичем «лагерная» эпопея неожиданно кончилась в райкоме партии на заседании бюро. Не могу сказать, кто автор, но в райком поступила анонимная жалоба. Вот, мол, отступали от установленного порядка, от утверждённого меню. Детей заставляли собирать ягоды. Насильно кормили рыбой. И прочая чепуха. Автор мог быть либо из сотрудников пионерлагеря, либо из подурельских жителей. Вернее последнее. Приходил к нам один местный учитель и просился поработать в лагере. Ему отказали. Во-первых, свои кадры есть. А ещё местный председатель сельского Совета подказал, что он — сутяга и жалобщик.

Но коли жалоба поступила – на неё привыкли реагировать. Прежде всего проверили у нас с поваром всю документацию – приход продуктов, накладные, договоры на покупку мяса, расписки в получении денег поставщиками, расходные документы, акты на списание, а также сам объёмистый отчет. Всё в полном порядке. Проверяющие из фабкома профсоюза и райфо доложили об этом на бюро. Мы сидели и слушали. Обсуждать стало нечего. Нас поблагодарили за хорошую работу и отпустили.

Вскоре директор школы Д.А. Комаровских был назначен ведущим Медянским РОНО.

Назначение в колхозе

Третий учебный год начался у меня с новым директором Колбовым, переведённым в Горихово из другой школы. Жена у него тоже учительница. Ей отдали часть учебной нагрузки по немецкому, а мне пришлось преподавать иностранный язык в шестых и седьмых классах, да ещё добавили несколько часов русского языка. А это значит – заново осваивать программу. Правда, проработал я только первое полугодие. В январе 1954 года меня вызвали в район и на заседании бюро райкома комсомола утвердили заведующим орготделом. Желания уходить из школы на преподавательской беде я не высказал, однако решение по мне приняли единогласно.

– А как же в школе? – спросил я. – Кто там станет ребяг учить? Мне ответили, что вопрос с РОНО об освождении от учительской работы с 1 февраля 1954 года согласован, приказ подан.

Ничего не оставалось, как выполнять решение комсомольского бюро.

Переехал на жительство в Домрачёнки, за километр от Мурыгино, к деду Зоту Андреевичу и бабушке Анне Васильевне. Изаба у них большая, полати широкие, рядом печка тёплая. Особого внимания к себе не требовал. Да и много времени проводил в командировках. Возвращался иногда домой поздно. Чтобы не беспокоить стариков, научился отпирать заднюю дверь отпалы. Они меня этому научили. Так что всё шло нормально.

Шестой класс Гориховской школы с учителями. На первом ряду в центре – П.Д. Авшчикина, Н.П. Мясников, П.Ф. Колобов

Часто меня приглашал к себе домой Иван Ермилович. Он был замечательным руководителем и человеком, как и его супруга Нелли Фёдоровна. Вечером за чаем, бывало, мы горячо спорили по «текущим вопросам», а также о Хрущёве.

За семь с половиной месяцев до отправки в армию я исходил пешком весь Медянский район. Если в райцентре комсомольские организации находились под постоянным контролем райкома, то на селе его работники бывали не часто.

По вопросам комсомольской работы стал общаться с руководителями колхозов, различных организаций райцентра, райкома партии. Приходилось часто выступать перед молодежью, регулярно читать газеты, политическую литературу, заниматься в районной политшколе – в общем, работать над собой. К тому времени обнаружил, что вокруг, кроме товарищей по работе, есть немало приятных, весёлых девчат, хотя раньше это просто не замечал. Кстати, в Горихово уже состоялась попытка общения с девушкой, хотя досвиданий и переживания я ещё не дорос. В конце лета 1953-го поспе работ в пионерлагере вернулся в село и готовился к занятиям. В один из выходных правление колхоза попросило сельскую молодежь помочь в завершении сенокоса. Собралось десятка полтора девчат и я с ними, да ещё Леонид, у которого жил.

На дугах у Грядовицы сено высохло и его стребли в валки, потом копнили. Эдесь же работали и колхозники. С нашей помощью за день сметали два стога. Все отправились по домам. Колхозники повернули в Хохряковщину. Леонид пошёл провожать Надю из сельсовета. Девичат из села пригласила Римма Маракуллина — она жила в Воронье. По дороге на Колупаевщину направлялись я да Нина Жемчутова, дочь председателя колхоза, прошлогодняя выпускница школы. Она жила пока у родителей, но нынче собиралась на учёбу в Киров в швейный техникум.

Девушка после школы как-то вся расцвела. Она и тогда была симпатичная, а тут повзрослела. У неё роскошная коса до пояса, волосы тёмно-русые, глаза голубые. Лицо милостливое, губы пухлые. Стройная фигурка и высокая грудь дополнили картинку. На ней даёно сидела белая с горошками кофточка, а поверх сарафан.

Мы шли и о чём-то разговаривали. И тут вдруг впервые я увидела в ней не бывшую ученицу, а красавицу ясноглазую. Она, видимо, тоже почувствовала это и посмотрела на меня не как на учителя, а просто молодого парня.

Вдоль дороги, идущей в гору через поле, танулись ряды стройных берёз. Я невольно сравнил их с Ниной. Мне вдруг стало неудобно от этих мыслей.

— Посидим немногот? — спросил спутницу.

— Надо отдохнуть, я так устала, — ответила Нина. Мы сели рядом и не знали о чём теперь говорить. Она опустила голову, будто изучала букет полевых цветов. Не понимая и не представляя для чего, я взял её за безвольную горячую руку. Нина молчала. Я смотрел, как она вдруг покраснела и взял её за талию, придвинувшись ближе. Моя вчерашняя ученица не возражала, даже наклонилась в мою сторону. Мне стало приятно так вот сидеть и молчать. Дорога выглядела пустынной, солнце садилось за лес. Крутом тишина и покой. От Нины исходила какая-то энергия. Я забыл обо всём — кто я и кто она. Ей же всего 16 лет, а я считаюсь взрослым, да ещё учитель называется. Это я потом подумался, а тогда решил поцеловать Нину. Повернул осторожно её голову в мою сторону и неумело прижался своими губами к её пухлым и красивым губам. Девушка молча подчинилась, не отстранилась и стала ближе ко мне. Поцелуй, конечно, не получился. Но было приятно и страшно.

— Нина, ты не сердись на меня, — выдал из себя. Она потонула головой, что означало — не сердится. Я пересел ближе к берёзе, подвинулась и Нина. Мне так хотелось поцеловать её в щёку, что и слезал. Нам было так хорошо. Но всё-таки я одумался и встал. Она тоже поднялась и приблизилась ко мне вплотную, уткнулась носком в лицо.

— Мы ещё увидимся? — шепнула Нина.

— Обязательно, что-нибудь придумаем, — ответил я.

И мы пошли к селу, взявшись за руки. Проводил её до окраины Горохова и вернулся домой. Потом не спал почти всю ночь, обо всём раздумывал и твёрдо решил больше с Ниной не встречаться. Ведь её отец председатель колхоза Василий Трофимович — мой товарищ по общественной работе, что он обо мне подумает: приставит к школьнице. Как не стыдно! Мало ли что она нравится. В общем, я не подавал ей больше никаких сигналов. Вскоре Нина уехала в Киров, и её я никогда уже не видел. А жалды!

Недолгим оказался период комсомольской работы, но впечатления от него остались на всю жизнь. Старшее поколение помнит, как молодёжь бурно откликнулась на призыв Н.С. Хрущёва о подлёме целинных и залежных земель. В нашей области, как и повсюду, на сей счёт приняли постановления партийных и комсомольских органов. До районов довели задания по отправке механизаторов на целину. Отбирали лучших производителей, приглашали на заседания бюро райкома комсомола и при их согласии вручали ребятам путёвки. Потом оформлялись и другие документы. Желающим предлагались также подлёмные. Мне пришлось вести подготовку к отправке молодёжи из района. Иногда этому сопротивлялись председатели колхозов, руководители организаций (желающих собирали не только из сёл и деревень). Но на противников находили управу в райкоме партии.

К назначенному сроку первая группа молодёжи — человек тридцать — собралась в райкоме комсомола с вещами. Погрузились на газогенераторную автомашину и двинулись в Киров. На железнодорожном вокзале нас и посланцев из соседних районов встречали секретарь обкома комсомола В.П. Ворожцов и другие областные работники. Состоялся митинг. Потом будущие целинники сели в специально отведённые им вагоны, и состав двинулся на восток. Так я провожал ещё не одну партию первопроходцев целины. Предполагалось вначале, что они через год-два, выполнив

Май 1954 года. Я на отдыхе в Ксипинино

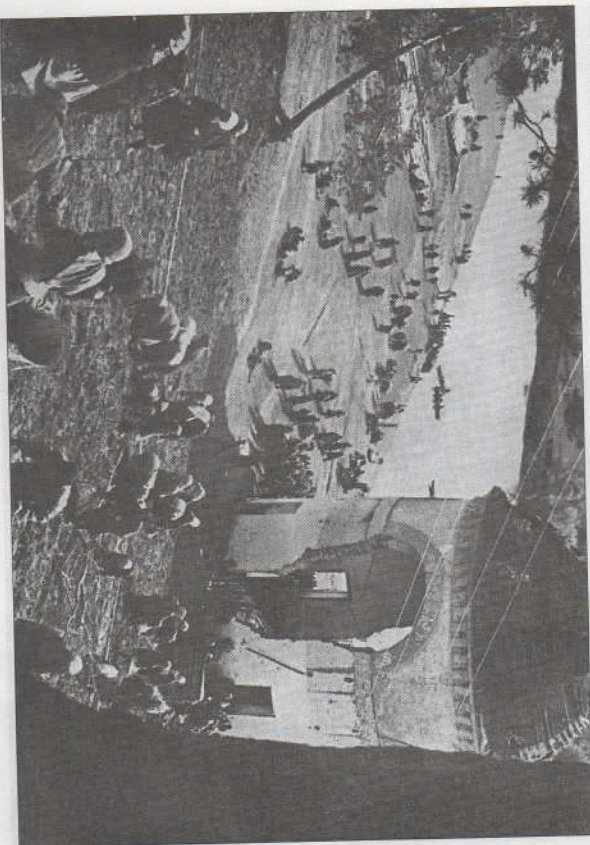
задание комсомола, вернуться в родные места. Но приехали единицы. Остальные осели в казахстанских степях. А ведь мы направили туда самых лучших работников.

Второе поручение оказалось деликатным.

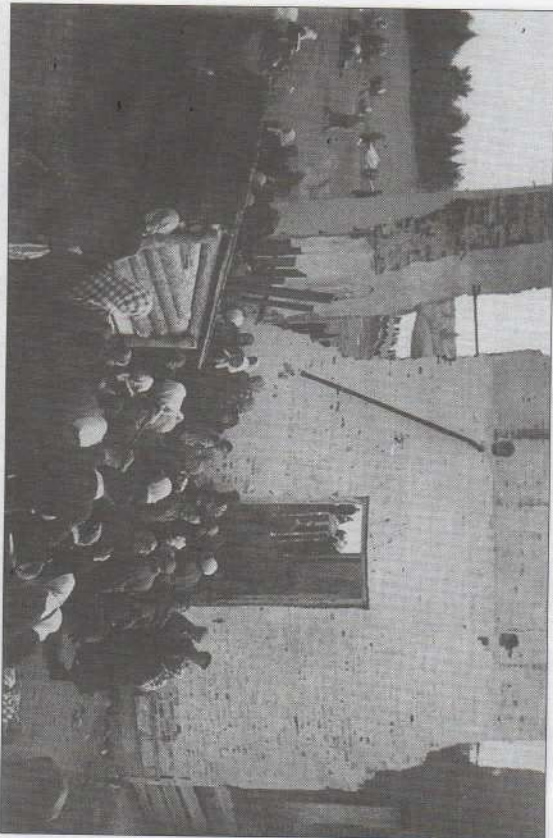
Меня отправили в начале июня в село Великорепское – помотреть, участвуют ли комсомольцы в крестном ходе (как будто у них по этому случаю на груди бываю вывешены значки и комсомольские билеты). Поехал туда на двухколесном мотоцикле, чтобы по сухим тропинкам пробраться, так как дорога в бору перед Ременьщиной непроезжая. Накануне прихода богомольцев в селе уже обогнались двое крепких ребят в костюмах, но с военной выправкой, да яркая девица из обкома комсомола. А рано утром приехали милицейские офицеры из Мурытино. Перед появлением колонны мы вышли за село, чтобы на поле посмотреть шествие. Скажу: это действие меня поразило. Огромная масса людей, несколько тысяч путников, по-разному и плохо одетых, многие босиком, с крестами, иконами колонной, которая шире дороги, двинулась на село. Над

этим стоял колокольный звон, в колонне пели молитвы. А главное – у идущих устремлённые, возбуждённые лица, широко раскрыты глаза. По виду не сказать, что прошли они десятки километров. Шествие возглавляли священники, мужчины покрепче несли на пологенцах главную икону святого Николая-чудотворца. Голова колонны уже скрылась в церковной ограде, а хвоста её ещё не видно. Богомольцы расседоточились по селу, расположились под сенами на крутом берегу реки, спустились к часовне и к источнику, который бил из земли. Там в землю вкопан чан – его освятили при богослужении, после чего путники набирали из чана святую воду и несли её домой. Вода эта могла год стоять в бутылке в подполье и оставаться свежей. И это правда.

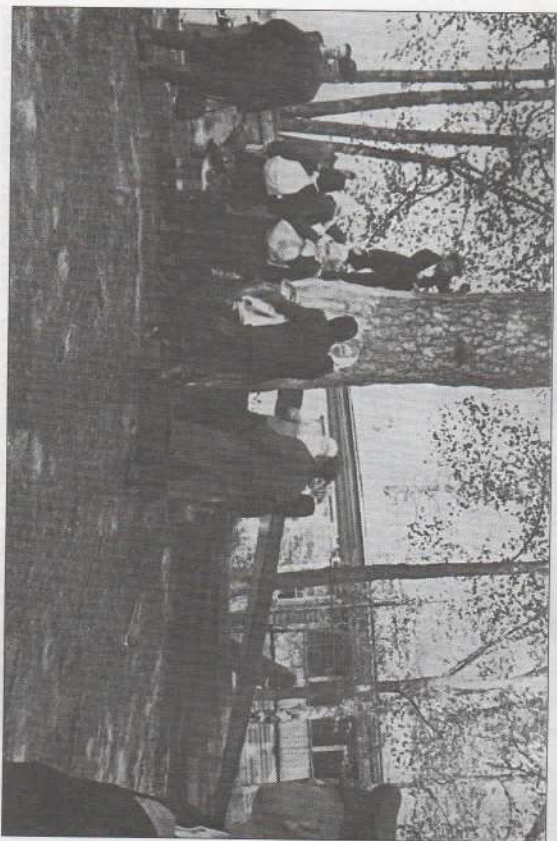
В селе Великорепском церковная служба проходила два дня. Затем богомольцы отправлялись обратно в Киров. Кроме святой воды, они собирали на песчаном спуске округлённые камушки-толыши. Если его опустить на дно стакана с водой, то можно якобы увидеть лик святого. Многие обдирали кору с древних сосен, росших на склоне. Их оголившиеся корни переплели тропинки к реке.

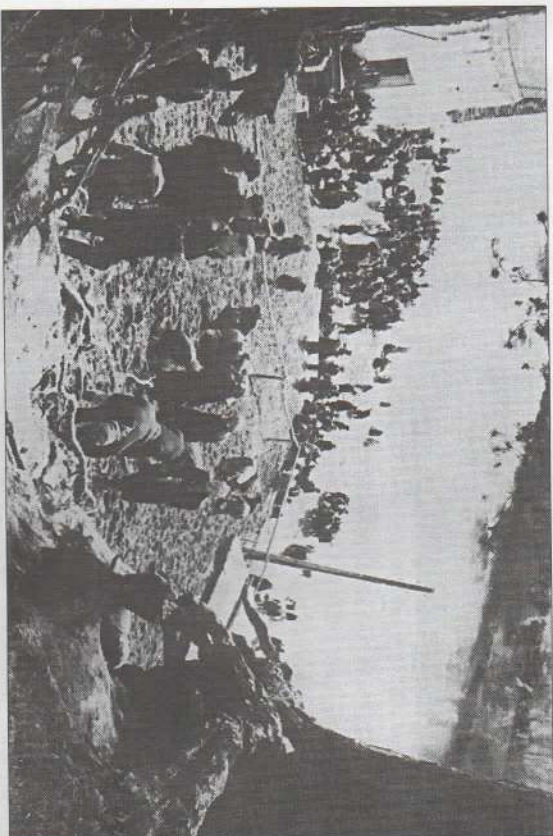
Уникальные снимки 1954 года. Богомольцы рассматривают по берегу Великой. Видна часовня у реки, которой теперь давно нет

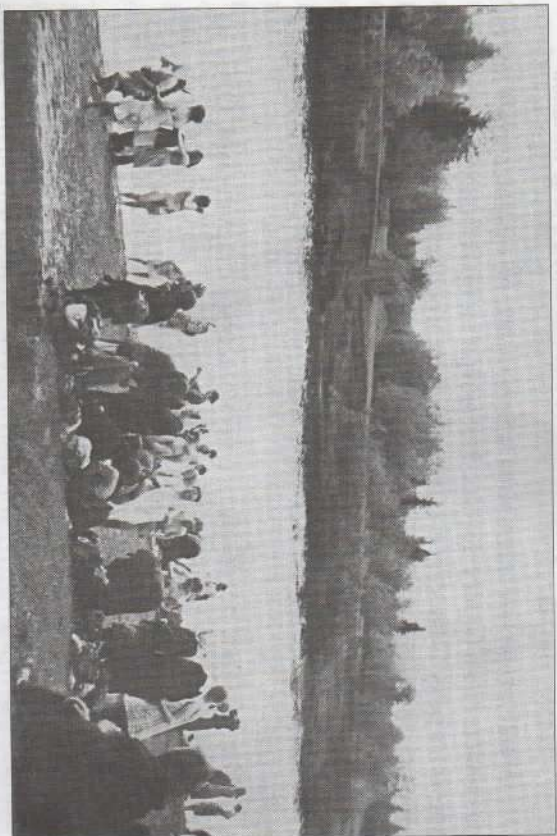
В очереди за святой водой

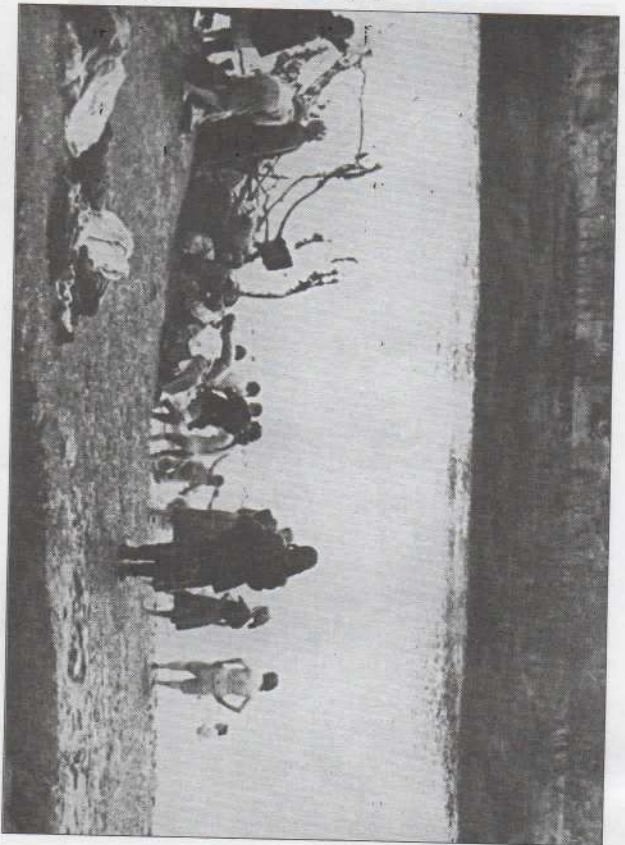
Наиболее активные падожники обрывают кору с сосен, стоящих на берегу

А здесь среди «корешков» собирают святые камушки

Погода стояла прохладная, но желающих искупаться было достаточно

Чуть подальше – удобное место для омовения в реке Великой

А ещё пожилые женщины и мужчины, не стыдясь друг друга, раздевались на берегу догола. Несмотря на прохладную погоду, ходили в реку Великою и, обмакнувшись в освящённой воде, бросали в русло снятое только что с себя бельё, затем надевали другое – чистое или новое.

Всё это казалось странным, но объяснимым. Люди хотели унести отсюда частицы святых мест, очиститься от грехов, болезней и напастей.

Мне удалось поговорить с несколькими старушками. Одна из них пришла сюда пешком с Украины, другая – из Свердловска, дав обет поклониться Николаю-угоднику, чтобы ниспослал здоровья её близким.

Молодёжи среди паломников находилось мало. Это сейчас Велликорецкий крестьянский ход стал Всероссийским и в нём участвуют верующие всех возрастов и из многих других областей. Да и власти сегодня споспешествуют этому и помогают Богомольцам. Тогда же у нас официально преобладал атеизм.

На праздник Николая-чудотворца из окрестных сёл собралась молодёжь, но огоньки не молились. Они устроили в центре села пляску. Сначала шло веселье, а потом между группами парней началась драка – кто кого из села выгонит. И один приехавший из Кирова «ухорез» прынул своего «противника» ножом, да так, что бедняга тут же умер. Ссора произошла из-за девушки. Мужет, парень и не хотел никого убивать, но он был сильно пьян и махался ножом без разбору. Милиционеры привели его в сельсовет, положили на пол. Он тут же заснул, наверное, не создавая ещё содеянного.

Происшествие омрачило праздник. Медянский райисполком по фактам хулиганства принял потом решение об ограничении доступа в село Велликорецкое. Но паломники, расстроившись, всё равно ежегодно ходили на реку Великою к святым местам.

Начиная с хрущёвских времён и вплоть до 90-х годов прошлого века, у Советского государства была неизменная забота о подьёме сельского хозяйства. И комсомол во всех начинаниях принимал самое активное участие. У нас весной 1954 года молодёжь из района по выходным организованно выходила в окрестные колхозы. Изготавливали торфоперегнойные горшочки, в которых потом выращивали саженцы кукурузы. Всего сделали, по-моему, миллион горшочков. Весной, ближе к лету их рассажили на лучших участках, хорошо удобренных и обработанных. Садили кукурузу квадратно-гнездовым способом. И техника для этого имела. В жаркое засушливое лето кукуруза вырастала двухметровая, с молодыми початками. Из неё получали прекрасный силос для коров. Загубили этот источник кормов неумным и неумным расширением площадей под кукурузой. Без должной обработки и техники там ничего не росло. Виновата в этом нежная культура, а те, кто ставил нереальные задачи и доводил невыполнимые планы.

Раньше в колхозах – до войны и вплоть до середины пятидесятых годов – всегда стремились заготовить на корм скоту побольше сена, сохранить яровую солому, а к ним добавить зернофураж. Но потом сельхознаука стала доказывать, что без сочных кормов – силоса и корнеплодов – невозможно добиться высоких надоев молока. Крестьяне не очень этим советам доверяли, счи-

тай, что зелёная трава, пусть и измельчённая, но «закопанная в землю», обязательно сгниёт. Поэтому силосование кормов внедрялось с трудом, хотя хозяйствам доводились строгие планы. Чтобы подтянуть показатели по силосованию, райком партии и райком ВЛКСМ приняли постановление о создании специального комсомольско-молодёжного отряда по закладке сочных кормов в хозяйствах района. До организацией и предпринятой райцентра довели задания по выделению в отряд работающей молодёжи. Их освободили на месяц от основной работы с сохранением зарплат. В первый такой отряд удалось набрать 20 человек — из них семь парней. Взаготовители кормов пошли ребята и девчата из разных «контур» — райпотребсоюза, узла связи, СЭС, дорождеда, промкомбината, швейной фабрики и других (кроме фабрики «Красный курсант». У бумажников создавалась своя бригада — с трактором и автомашиной). А начальником отряда, двадцать первым бойцом, утвердили меня. Обозначили адреса колхозов: Заборовица, М. Долгово, Монастыршина, Ременьшина. На сборы дали день. На завтра мы уже сидели в кузове грузовой машины на деревянных скамейках и тряслись на рытвинах и ухабах.

В первом колхозе я сразу договорился с председателем об условиях сотрудничества. Нам отводят участки травы в овратах, бо-лотинах, поймах речек — в неудобных. Мы вручную косим траву (технику туда не загонишь), грузим на закреплённую автомашину. Массу отвозят к силосной яме, где оставлен измельчитель, через него осоку пропускают с добавлением соломы. По мере заполнения ямы травяную массу трамбуют тяжёлым гусеничным трактором. Работаем с 6-7 часов утра (по погоде) до вечера, с перерывом на обед и отдых. Колхоз обеспечивает нас хорошим питанием. Другой оплатят нам не надо, потому что оклады по месту основной работы сохраняются.

И началась месячная эпопея. Разместили нас в двух больших избах. Собственно в домах-то нам делать нечего. Там вещи лежали, да есть садилась, и то не всегда. Чаще под окном за летним столом. Спали на сеновалах, под пологами от комаров.

Сложно, конечно, в пять часов утра вставать девчатам. Ребята как-то быстрее привыкли включаться в работу. А к женской половине отряда приходилось сначала применять разные методы: стучать по отраде, брызгать водой на сеновал, прозвонить всякими ка-

рами. В ответ в меня запускали туфлями, ругались. Наконец удавалось добиваться подъёма.

Тогда я злился и ругался. Лучше поразмыслил бы. Дома девчухи ещё спали в такую рань. Да и в организациях их обязанности совсем другие. А тут на рассвете надо вылезать из постели, тащиться куда-то на дуга, в оврати, стребать и таскать тяжёлую траву. На ладонях после этого появляются мозоли. И всё из-за чего? В силу комсомольской дисциплины и сознательности. Почему тутошние работники сами с этим не справляются? Так мои комсомолки, наверное, думали. Я же считал: им полезно приобрести к крестьянскому труду — хоть знать будут, почём обходится кусок хлеба, стакан молока.

С косами-горбушами парни со мной шли в оврати. Мы косили густую осоку. Вскоре приходили девчата с граблями, вилами, но-силками. Они стребали траву в небольшие копны и перетаскивали их на берег, где зелёную массу можно погрузить на машину. Часть дёвчат оставалась у силосной ямы. Подтаскивали солому, помогли разгрузить машину, разбрасывали внутри ямы траву.

Ребята как-то быстро освоились на косьбе. Знать, в руках бы-вали горбуши. У нас с собой находилось ведёрко, где в воде лежало несколько брусков-лопатонок — точить и править косы, иначе они быстро затупятся, густую траву не прокосить.

Около гумна недалеко от фермы было настроено конное то-чило. Запряжённая в оглобли лошадь ходила по кругу, вращая через большую центральную шестерёнку вал, на котором наса-жен диск точильного камня. Под камнем — деревянная колода с водой. Вкопана скамеечка для точильщика. Я как-то быстро освоил эту операцию. И по вечерам запрятал послушного мери-на в оглобли, сначала погонял его, а потом садился за точило и правил всем косям. Потом дня три-четыре работалось легко, оста-валось только подправлять их лопатками.

В общем, работа наладилась, появились навыки. Настроение в отряде улучшилось. Да и яма быстро заполнялась. В колхозе спе-циально селили участки ржи для подкормки скота. На обеденный отдых зелёную массу подвозили в качестве добавки молодчонному стаду к подножному корму. Постепенно рожь становилась грубой, её коровы уже не поедали. Сейчас, во время силосования, ещё не-

зредую рожь с этих участков убирали косилкой-измельчителем и сваливали в яму. Эта добавка была нам очень кстати.

За неделю работы в Заборовище мы сумели вместе с колхозниками заполнить силосную яму примерно на 100 тонн. Сверху ещё был бутор, который оседет.

Потом нас перевозили в Маго-Долгово, Монастырщину. И в каждом хозяйстве отряд также заложил при участии колхозников сочные корма. Силосные ямы везде сооруджались по одному проекту. Углубление в земле шириной метров пять и длиной более шести (с выездом наружу) с трёх сторон укреплялось деревянными пятами. Их держали вкопанные в землю столбы. Снаружи бульдозером подталкивали ещё грунта. С одной стороны можно заезжать на транспорте и сбрасывать зелёную массу в яму-траншею. Добавляли ещё солому, для брожения подивали массу молочной сывороткой. По окончании трабовки яму закрывали слоем соломы и плёнкой, чтобы не попадала вода.

Последней точкой у нас оказалась Ременьщина. Закончили там силосование и ждали, когда за нами пойдёт машина. Но транспорта не оказалось. И нам пришлось всей бригадой шагать до Мурыгино пешком. В конце даже жаль стало расставаться. Так мы сдружились за период нелёгкой работы на заготовке кормов.

Я шёл домой с забинтованной распухшей рукой. Во время правки торбуш на конном точиле у меня как-то сорвалась коса и срезала мозоль на ладони правой руки. Кровило недолго — мне бинтом туго завязали рану, но на косе оказалось много ржавчины, в корыте вода стала красной. Из-за этого произошло заражение, образовался во всю ладонь нарыв. Так болело, что не до сна. После командировки вместо отдыха ночами мучился. Наконец преодолел страх и пошёл в больницу. Хирург, крепкий мужчина лет тридцати пяти, положил мою руку на стол, велел сестре обработать ладонь спиртом, а мне отвернуться и не дергаться. Потом распорол бутор на ладони, отсюда хлынула гной. Оборвал пипцами задубевшую кожу. Всё это я стерпел. Но когда он начал запахивать в выбогевшую яму куски марли с лекарством, молчание моё прорвалось. Потом руку забинтовали, заставили выпить мензурку пахучей жидкости. И обязали явиться на перевязку. Рука заживала долго и медленно.

В несокрушимую и легендарную

Гут меня включили в состав призывной комиссии при райвоенкомате, чтобы работать с призывниками по вступлению в комсомол. Познакомился там с военкомом П.И. Чако, общительным и оригинальным человеком в звании подполковника. Однажды говорю ему:

— Павел Иванович, отправьте меня в армию, а то поздно будет. И так на три года задержался из-за отсрочек.

Райвоенком распорядился пропустить меня через медкомиссию и, если со здоровьем всё в порядке, решить вопрос. Вскоре мне послали извещение о призыве в армию. Да заодно и дали поручение от военкомата. Подготовили документы на 12 призывников из района, вручили мне пакет, собрали парней, и я повёз их на межобластной сборный пункт в Зуевку. Там передал документы, представил новобранцев начальнику и сам влился в общую массу будущих солдат. Хорошо помню, как меня провожала до Кирова бабушка Анна Васильевна. На прощание перефрестила и вручила крошечную иконку с ликом Николая-чудотворца, которую я сохранил во время службы в армии.

Вскоре поезд увозил нас на восток, но не дальний. До свидания, страна Медвения! Гражданская жизнь временно закончилась.

Содержание

Кто есть кто?	3
Село Медяны	4
Родная деревня	10
Война.	24
Детские каверы и маленькая хитрости	36
И после войны трудно.	40
Соседи	44
Встретились.	48
В Домрачёнках	51
Среди людей	58
Школьные годы	62
Гороховские испытания.	76
Приказ по РОНО	80
Новый учитель в Горохово	84
Деда Екима не стало.	89
Школьные будни.	92
Лето в родной деревне	96
Перемены	98
Новые лица	100
Потрясение	105
В пионерском лагере	108
Назначение в комсомоле	112
В несокрушимую и легендарную	125
Вместо послесловия	126

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Написал эту книжку и задумался: зачем она, надо ли было тратить время и средства. Ведь нынче весь интерес у многих в компьютере. Да и текст здесь не художественный. Повествование ведётся от первого лица. Нет ни захватывающих сюжетов, ни выдающихся событий. Обычные истории в житейской обстановке. Автор говорит о себе, своих близких и о тех, с кем пришлось встретиться, кто особенно запомнился.

Ничего особенного. Хотя ради любопытства некоторые читатели могут и полистать книгу.

Если этот довод поможет, скажу: в «Стране Медянии» вымыслов нет, все события и герои реальные. Может, только кое-где в деталях память подвела. А записи в то время не велись.

Автор предвидит иронию на счёт названия. Да, его идею пришлось позаимствовать у большого советского поэта А. Т. Твардовского.

Итак, книга перед вами. В добрый путь!

С уважением автор.

Соборный

Николай Мясников

Страна Медяния

Корректоры:
Г. В. Крючкова, Ю. А. Орлова

Подписано к печати 28.03.2012.

Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Retensburg. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,44.

Тираж 500 экз. Заказ № 830.

ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати – ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

ISBN 978-5-85271-435-0

9 785852 714350

50,00